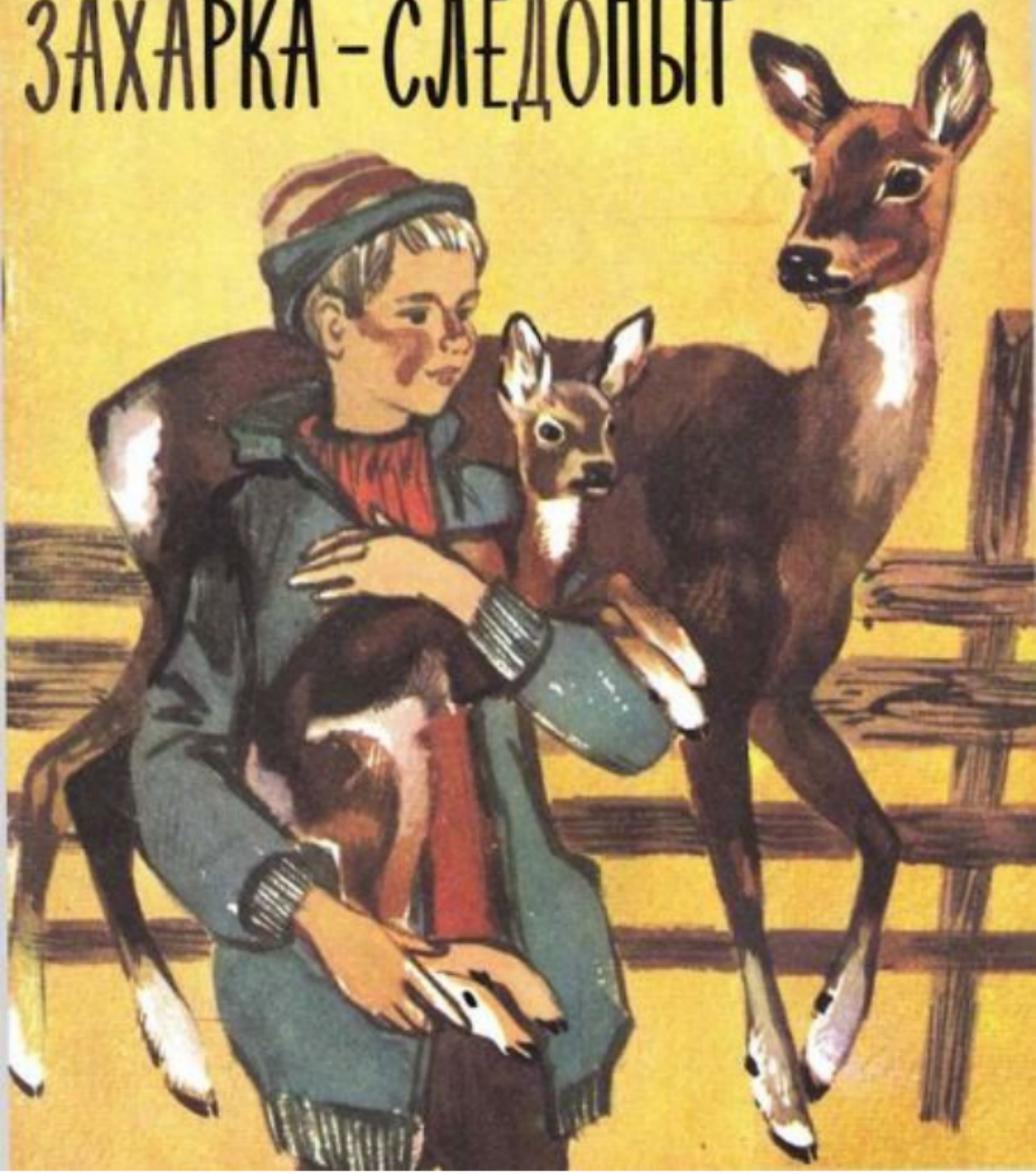

АЛЕКСАНДР ИВАНОВ

ЗАХАРКА - СЛЕДОПЫТ

Александр Васильевич Иванов

Захарка-следопыт

Повесть советского прозаика о жизни ребят в сибирском селе, о красоте таёжного края, о бережливом отношении к природе.

Содержание

Юрий Николаевич	.0005
Захарка-парашютист	.0011
Прогулка	.0021
Захаркина хитрость	.0028
Тетеревиная баня	.0036
Береговушки	.0046
Соловко	.0052
Лесные хирурги	.0058
Не та рыба	.0063
Заячье спасибо	.0070
Веники для лося	.0078
Ай да ласка!	.0084
Страшный зверь	.0089
Качели	.0095
День невезения	.0104
Жизнь всему научит	.0112
Плакунчики	.0119
Рыбьи форточки	.0124
Прилёт жаворонков	.0135
Захаркин огород	.0140
Тонконожка	.0146
Радость	.0157

Александр Васильевич Иванов Захарка-следопыт

АЛЕКСАНДР ИВАНОВ

ЗАХАРКА - СЛЕДОПЫТ

ПОВЕСТЬ

Для младшего
школьного возраста

Рисунки
Геннадия Романова

КИЕВ «ВЕСЕЛКА» 1986

Юрий Николаевич

На работу помощником лесника направил Шувчука в сибирское село Трошино. Юрий Николаевич, пока добирался до места назначения, тревожился. Думал о том, как устроится на новом месте, найдёт ли в далёком селе товарищей по душе. Но все его волнения оказались напрасными.

Встретил Шувчука лесник Василий Алексеевич. Он отвёл Юрия Николаевича к бабушке Варе и сказал:

— Принимай, Варвара Ивановна, постояльца. Вместо сына тебе будет. И дров, коли надо, нарубит, и по хозяйству поможет. Да и веселее вдвоём жить.

Варвара Ивановна внимательно осмотрела Шувчука, улыбнулась.

— Пусть живёт, если понравится, — говорит. — Места хватит. Комнату отведу ему отдельную.

— После учёбы Юрий Николаевич. Лесное училище окончил. Одному мне за нашим лесным хозяйством трудно уследить. Годá у меня, сама знаешь, — на пенсию пора ухо-

дить, — говорил лесник. — Ему, конечно, колхоз и квартиру может выделить: вон сколько новых домов строят. Да я подумал: к чему парню отдельную квартиру? У тебя будет лучше.

Лесник ещё несколько минут поговорил с Варварой Ивановной, потом сказал Юрию Николаевичу:

— Устраивайся пока. Осмотрись, познакомься с нашим селом, а денька через три повезу тебя по лесам, хозяйство покажу.

От дорожных волнений и переживаний Шевчук утром проспал. Разбудил его шум за окном. На улице заливисто лаяла собака, кричали куры, гуси. Иногда среди этого шума отчётливо слышался громкий мальчишеский голос: «Стоять, травяной мешок! Стоять, кому говорят?!»

Шевчук открыл окно и увидел белобрысого мальчугана лет восьми. Мальчишка носился по улице на длинном таловом пруте, а следом за ним бегал и громко лаял рослый вислоухий щенок.

— Ты кто такой? — спросил Юрий Николаевич сердито.

— Я наездник, — ответил мальчуган и лихо подскакал к окну.

Шевчук с удивлением рассматривал его сверху. Светлые, как ковыль, волосы взлохмачены, крупные веснушки на щеках блестят от пота, синие штанишки закатаны до колен и держатся на одной шлейке.

— Что шумишь?

— Коня объезжаю, — ответил мальчишка гордо и выпятил грудь вперёд. Потом вдруг взбрыкнул ногами, дернулся влево, вправо, назад и заржал по-лошадиному: «Иго-го-го». Потом рванулся с места. — Тпру-у! Стоять, травяной мешок! — крикнул он и остановился как вкопанный.

— Да, вижу, трудная у тебя работа, — почувствовал мальчишке Шевчук.

— Это боевой скакун. Видишь, какой упрямый попался? Никак на месте не устоит, — сказал мальчишка и опять запрыгал.

— Давно коня объезжаешь? — спросил Шевчук.

— Первый день. Тпру-у! Стоять, шалый!

— Ну и сколько времени тебе потребуется, чтобы объездить этого скакуна? Час,

два? — Юрий Николаевич кивнул на прут.

— Как бы не так! Вон дядя Володя своего Орлика пять дней объезжал. Еле — еле укротил. Даже в сани запрягал, так от саней одни щепки остались.

— Щепки? Почему?

— Кто же летом коня в сани запрягает? Орлик вырвался и пошёл носиться по дорогам, по полям...

— Ну, а звать-то тебя как?

— Захаром. А ещё меня зовут Парашютистом.

— Ух ты! Уже и Парашютистом. — Юрий Николаевич удивлённо посмотрел на мальчика и покачал головой. — А живёшь где?

— Да вот напротив. Зотовы мы, — кивнул он на деревянный дом, огороженный с улицы штакетником.

— Заходи в гости, сосед, — пригласил его Юрий Николаевич.

Захарка недоверчиво поглядел на Шевчука, потом старательно привязал своего «скакуна» к ограде, поправил на плече шлейку и проворно забрался в комнату.

— А ты новый лесник? — спросил. — У ба-

бушки Вари будешь жить?

— Угадал. Буду у бабушки жить. Угощайся вот, подкрепись, устал, наверное? — Шевчук протянул ему плитку шоколада.

— Шоколад? — удивился мальчишка. — Я что, девчонка? — Не говоря больше ни слова, Захарка выпрыгнул в окно. Шевчук хотел спросить у него, что случилось, но тот вскочил на своего скакуна и умчался.

«Чем я ему не угодил? — думал Юрий Николаевич. — Кажется, не сказал ни одного обидного слова. Странный мальчишка».

Пока Шевчук раздумывал над поведением соседа, на улице снова раздался неистовый лай. Потом перед его окном промелькнули какие-то странные палки. Шевчук подбежал к окну и опять увидел Захарку. Он шёл по тротуару на... ходулях. Высотой в два метра.

— Захар!

Мальчишка, видимо, ждал окрика. На миг остановился, но тут же прошествовал дальше.

— Я циркач, — ответил он, продолжая идти.

— Иди сюда, циркач! Где это ты такие хорошие ходули достал?

Захарка явно хотел удивить нового соседа. Он медленно повернулся и не спеша протопал мимо.

— Так кто же тебе такие ходули смастерил?

— Папа. Хорошие?

— Отличные. А так ловко ходить на них кто научил?

— Сам научился. Дедушка Прохор говорит, что я настоящий циркач, — Захарка расхаживал взад и вперёд перед окном.

— Молодец, Захар! — сказал Шевчук, а сам подумывал, как бы опять предложить мальчишке шоколадку. Очень уж хотелось ему познакомиться с этим весёлым парнишкой. Пока он раздумывал, Захарка вдруг соскочил с палок и, подойдя к окну, сказал:

— Теперь давай свою шоколадку. За работу. Я тебе цирк показал? Показал.

— Конечно, — обрадовался Шевчук. — Ты честно заработал свой шоколад. — Он протянул Захарке плитку и крепко, по-дружески пожал ему руку.

Захарка-парашютист

Парашютистом Захарку прозвали вот почему. Однажды весной сидел он на сарае, смотрел на огород и удивлялся. Не огород у них, а озеро. Даже рябь от ветра на воде, и гуси плавают: бабушка Вера выпустила гусей, чтобы зимнюю грязь отмыли. Рады гуси воде, крыльями хлопают, гоняются друг за другом. Вода ледяная, но птицам холод нипочем, на всю деревню слышно их радостное гоготанье.

Кругом вода со снегом, а на крыше сарая сухо и тепло. Дедушка Прохор ещё неделю назад сбросил с крыши снег. Теперь она просохла, даже босиком можно побегать. Захарка несколько раз пробежался, но мама увидела и запретила ему сапоги снимать. Хоть и апрель, и солнце светит, но всё равно ветер холодный и тепла настоящего ещё нет. Снег вокруг сарая сугробом лежит, и у тына на огороде его ещё много. Конечно, снег уже не такой белый да пушистый, как зимой, а почернел, превратился в кашицу. Но кашица эта холоднющая: если взять в рот, зубы ломит и запросто можно схватить ангину.

За огородом берёзовый лес — колок. Ух, и берёзы там толстющие! Очень старые берёзы. Хорошо на них взбираться, сучки крепкие. Захарка лазил на эти берёзы прошлым летом, но теперь в колке тоже полно воды, ещё больше, чем в огороде, потому что там низина.

Захарке скоро надоело смотреть на гусей: уж очень долго они зимнюю грязь отмывают. Обратил свои взоры на колок. Там интересней. На вершинах берёз настоящий грачиный городок. Не посёлок, а именно городок, потому что гнёзда у птиц в несколько этажей.

*Чёрный ворон, чёрный ворон,
Что ты вьёшься надо мной?
Ты добычи не дождёшься,
Чёрный ворон, я не твой, —*

стал петь Захарка. Эту песню любили папа с дедушкой. Три раза спел, надоело.

— Кар-р! Кар-р! — заорал Захарка по-грачиному, замахал руками и забегал по крыше. Но и орать Захарке надоело. Вот если бы у него были крылья... Полетел бы и узнал, чего грачи орут. Кар да кар! Базар устроили. Зажмурился, а в глазах всё равно грачи мельтешат, будто всё ещё смотрит на них.

«Вот бы забраться на берёзу, — вдруг подумал Захарка. — Не дойдёшь, воды много. — Он критически посмотрел на свои сапоги и тяжело вздохнул. — Если бы сапоги болотные, но их нет».

Опять стал наблюдать за птицами. Грачи летали, садились на тонкие ветки, раскачивались на них, как на качелях. «Хорошо им, — позавидовал Захарка. — Летай где хочешь, садись куда хочешь».

— Захарка-а! Захарка! — услышал он вдруг голос бабушки Веры. — Ты за гусями смотришь? Где они?

Бабушка стояла посреди двора и, близоручко щурясь, искала внука. Ветер трепал её пёстрый фартук и чёрный платок.

— Я здесь! — Захарка слез с крыши и подошёл к ней.

— Гуси-то где?

— На огороде, купаются.

— Пусть сердешные покупаются. Всю зиму невымытые, наскучались, поди, без воды. А ты поел бы. Я шанежек настряпала. Иди, милоч, поешь.

— Я не хочу, я потом, — сказал Захарка.

— Ладно, смотри тут за гусями. — И бабушка пошла в дом.

«А если...» — вдруг вспомнил Захарка о ходулях. Ещё в прошлом году, когда в деревню приезжал цирк, папа сделал Захарке ходули. Хорошие ходули, Захарка на них даже бегать научился. А улицу с одного конца в другой за просто переходил.

Захарка достал с чердака ходули. Это были две лёгкие длинные палки с приступками для ног. «И сапог болотных не надо», — подумал он, взбираясь на ходули. Но по огороду Захарка пройти не смог: палки вязли в оттаявшей земле. Дважды упал, намок, но ходули не бросил. «Зачем идти на них по огороду, если можно свободно пройти по тыну, — осенила его светлая мысль. — А там до колка по травке я запросто дойду».

Он без особого труда прошёл по тыну в огород, но оказалось, что и по целине на ходулях идти не так то просто. Палки вязли, путались в прошлогодней траве, и Захарка с трудом удерживал равновесие.

Но вот и крайняя берёза, корявая и сучковатая. В трёх метрах от земли торчит на ней

толстый сломанный сучок, словно длинная двупалая рука. Прислонив ходули к дереву, Захарка легко добрался до сучка и несколько минут посидел на нём, оглядываясь вокруг.

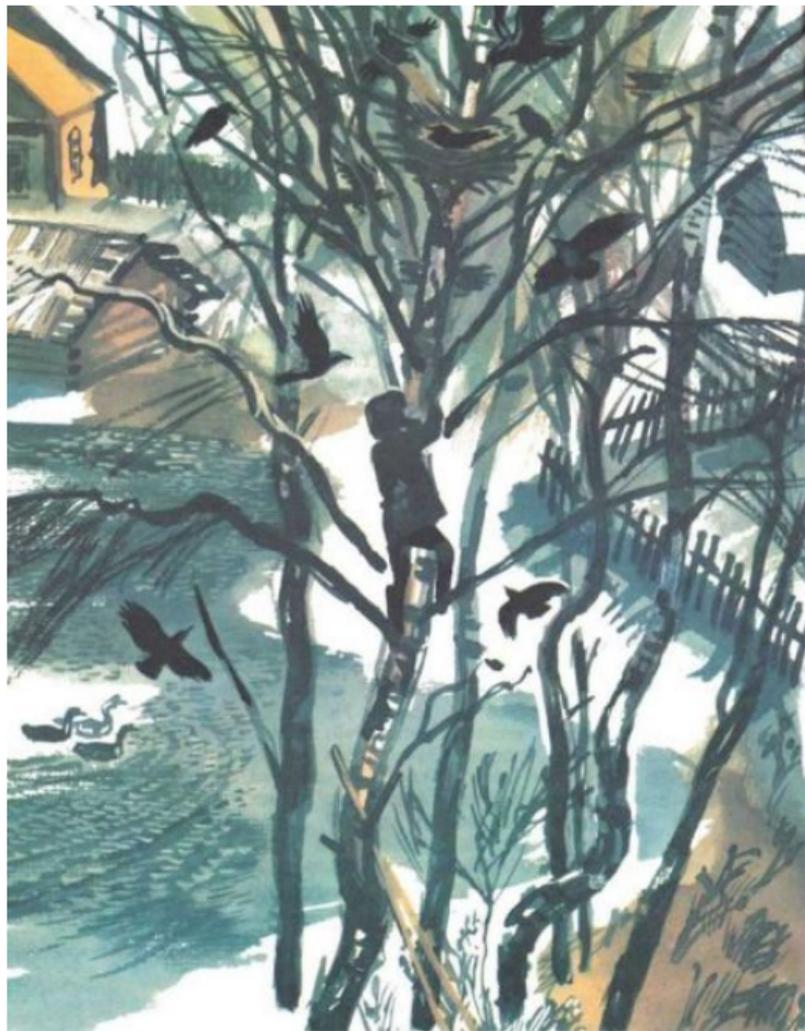
Встревоженные птицы подняли оглушительный крик. Они летали у самой головы Захарки, будто прогоняли его.

— Летайте, кричите, — сказал он. — Я всё равно доберусь до вас.

Отдохнув, Захарка полез вверх. Здесь сучки были толстые, частые, и он, как по лестнице, взбирался всё выше и выше. И чем выше Захарка поднимался, тем сильнее кричали грачи, тем мощнее были порывы ветра. Тонкие ветки хлестали по лицу, но он упрямо лез вверх.

Первое гнездо уже было совсем рядом, когда налетел ветер, сырой и холодный. Ветки сразу стали мокрыми и скользкими. На миг Захарка растерялся. Страшно взбираться по мокрому сучьям. К тому же они становились все тоньше. Минуту он помедлил, собрался с духом.

«Я только загляну в гнездо — и назад», — сказал сам себе Захарка и, найдя сучок по-

крепче, поднялся выше.

В гнезде лежали два светло — голубых в крапинку яйца. Он взял одно. Оно было холодное. И вообще в гнезде было холодно. Хо-

тел Захарка прихватить яйцо с собой, но грачи так метались над его головой и кричали так громко, что он тут же положил яйцо обратно.

— Я ничего не взял. Я только посмотрел, — успокаивал он грачей.

Надо было возвращаться, но Захарке вдруг захотелось посмотреть следующее гнездо. Оно висело прямо над его головой, совсем рядом — большое и особенно таинственное.

— Я не буду брать ваши яйца, — говорил Захарка, поднимаясь выше.

Далеко внизу осталась земля, у берёзы в воде стояли ходули, а над ними торчал сломанный сучок. Только один раз за всё время взглянул Захарка вниз и испугался. Руки и ноги предательски задрожали.

Вершину берёзы ветром раскачивало из стороны в сторону, и это пугало Захарку. Вниз теперь он не смотрел. Захарка слышал, что если смотреть с высоты вниз, может закружиться голова. А если закружится голова, то... Нет, у него голова крепкая. Папа всегда говорил: «Наш Захарка — настоящий мужичок».

Ему никак не удавалось подняться выше:

сверху мешало гнездо. Захарка стал осторожно перебираться на другую сторону дерева. Дотягиваясь до следующего сучка, немного отклонился от ствола. Вдруг раздался треск. Под ногами в один миг пропала опора, и он, ломая мелкие сучья, обдирая лицо и живот, полетел вниз. В глазах мелькали ветки, земля стремительно неслась на него.

— Ма-а! — успел крикнуть Захарка и в тот же миг почувствовал страшный удар. Что было потом, он уже не помнил...

Когда сознание вернулось к нему, Захарка услышал крики грачей. Где-то лаял Шарик, соседский щенок. Мальчик почувствовал боль в боку, саднило лицо. Захарка открыл глаза и сразу же увидел воду. Его ходули стояли по-прежнему у берёзы.

Оказалось, что он висит на обрубке сучка, зацепившись за него хлястиком фуфайки.

— Ма-маа! — заорал испуганно Захарка.

Но вокруг не было ни души. Только в воздухе мелькали и громко кричали грачи. Они словно радовались Захаркиной неудаче. Хлястик мог в любой момент оборваться, и тогда Захарке не миновать купания в ледяной воде.

Но хлястик не отрывался, и Захарка висел на нём, как пристёгнутый.

«Так и погибну здесь, — с тоской подумал он. — Скоро ночь, а по ночам холодно. Замерзну, и никто меня отсюда не снимет».

Захарке умирать совсем не хотелось. Он попытался достать руками, а потом и ногами сучок, но не получалось. «Когда мама с бабушкой придут с работы, будет совсем темно», — жалобно подумал он и опять закричал:

— Ма-маа!

— Эй, Захар, ты чего кричишь?! — вдруг послышался голос соседа дяди Ипполита. — Не крутись, а то оборвёшься. Подожди, я сапоги болотные надену да лестницу притащу. Скажи Шарикку спасибо, — говорил сосед, устанавливая под берёзой лестницу. — Он тебя заметил. Лаает и лаает, покоя не даёт. Значит, гнезда разорял?

— Я хотел только посмотреть, да сучок подломился, — сказал Захарка.

— Повезло же тебе. Будешь парашютистом. Первый прыжок ты совершил удачно, — улыбнулся дядя Ипполит, снимая Захарку с сучка.

После этого мальчишки и стали звать За-

харку Парашютистом.

Прогулка

Через день после приезда отправился Юрий Николаевич с ребятами на прогулку. Было позднее утро, но жары в тот день не ожидалось. Небо затянуло дымкой, даже на солнце можно было смотреть не щурясь.

Молодой лесник хотел осмотреть село, познакомиться с его жителями.

Трошино — село небольшое, всего три улицы. Береговая растянулась по берегу реки, средняя носила имя Ленина, а третья — Советская. На улице Ленина находились школа и магазин, контора колхоза и больница. На Советской стояли скобяной магазин и пекарня. Все улицы были длинные, ровные и чистые, что особенно понравилось Юрию Николаевичу.

Хорошо жить на Береговой: речка рядом, летом купайся сколько хочешь, зимой на лыжах и на санках с высокой горы катайся. Но и на Советской, где остановился Шевчук, неплохо. Сразу за огородами — лес, поля, луга, где пасутся телята и гуси. И за грибами ходить ближе, чем с Береговой.

Шевчук шёл по улице и осматривался. Впереди бежал Шарик. Этот длинноногий соседский щенок выделялся весёлым нравом, непоседливостью и обладал громким голосом. Он то забегал вперёд, то возвращался, стараясь ухватить кого-нибудь за штанину и подёргать, то бегал за курами, поднимая среди них такой переполох, что из окон выглядывали недовольные хозяйки. И лаял беспрерывно.

Захарка ехал на новом скакуне — длинной берёзовой хворостине — и на Шарика почти не обращал внимания. Ему хватало хлопот с конём. И этот конь у Захарки был необъезжен, наезднику приходилось криком укрощать дикого скакуна. Норовистый конь то поднимался на дыбы, то бил копытами, то уносился вперёд и ржал так громко, что деревенские собаки начинали выть и рваться на улицу.

Шевчук шёл следом, далеко отстав от Захарки, а за ним едва поспевал четырёхлетний Дюша Его лихой конь — таловый прутик — тоже норовил сбросить хозяина. Но Дюша молчал, только сопел от натуги. Малышу бы-

ло трудно догнать Захарку: он раскраснелся, пухлые щёки его пылали огнём, полосатая панамка сползла на затылок.

Когда Захарка привёл Дюшу к Юрию Николаевичу, малыш стоял и молча улыбался.

— Как тебя звать? — спросил его Шевчук.

— Дюша. — Мальчик протянул ему коротенькую мяконькую ладошку.

— Странное имя. Ну коли Дюша, так Дюша.

— Андрюша его звать, — подсказал Захарка.

— Дюша, — упрямо повторил малыш.

Теперь этот человечек колобком катился следом. Всякий раз, когда Дюша очень отставал, Шевчук останавливался и поджидал его. Захарка тогда разворачивал своего скакуна, подъезжал к ним, а потом снова мчался вперёд.

Скоро Захарка свернул в проулок, который вывел их на край села. Поросшая подорожником тропинка тянулась прямо к колхозной ферме. Над головами низко летали быстрые ласточки, щебетали, высоко в небе заливались трелями жаворонки. Всё вокруг дышало спокойствием и тихой умиротворённостью.

Они направились к ферме, потому что там работали и Захаркина, и Дюшина мамы. Кроме того, собираясь сходить на рыбалку, Шевчук думал накопать у фермы на перегнойных кучах грабаков. Захарка обещал, что там можно набрать их целую банку.

Шарик наконец-то утомился, вывалил изо рта огромный розовый язык и, тяжело дыша, плёлся следом. Захарка сумел укротить своего коня и теперь ехал шагом. А Дюша продолжал бежать. Правда, он тоже заметно устал и сопел гораздо громче, чем в начале пути.

— Дюша, иди ко мне на плечи, — предложил ему Шевчук.

— Я сам, — отказался упрямый малыш.

Ферма представляла собою целый коровий городок. Рядами тянулись огромные и длинные кирпичные сараи — зимние коровьи квартиры. Особняком стояли домики поменьше — телячьи ясли. Раскинулись просторные загородки для прогулок. Сейчас все эти сооружения пустовали: коровы паслись где-то на выпасах, нагуливали на зелёной траве молоко. Старшие телячьи группы тоже ушли в лет-

ние лагеря. Только малыши остались дома. Захарка часто бегал сюда и поэтому уверенно повёл Шевчука прямо к большому и просторному загону.

— Телятки! Мамины телятки! — обрадовался Дюша.

За оградой выгуливалась «ясельная» группа. Одни телята лежали, другие резвились на зелёной траве. Заметив людей, самые любопытные подбежали к ограде и уставились на Шевчука с ребятами. Шарик тоже оживился. Опершись передними лапами на ограду, он оглушительно лаял на незнакомцев. Телята пугались, взбрыкивали, убегали прочь, но потом снова возвращались.

— Шарик, перестань! — зашумел на щенка Захарка. Но Шарик ещё сильнее залаял. На лай из домика вышли телятницы в белых халатах, как врачи.

— Мама! — закричал Дюша и побежал к молодой телятнице.

— Сынок? — удивилась она.

Телятницы предложили гостям парного молока. Оно оказалось таким вкусным, что Захарка и Дюша выпили по два стакана. А

Шарик старательно вылизал черепок и уставился бесстыдными глазами на Дюшину маму, прося добавки. Вылакав и добавку, он долго таскал в зубах черепок, не желая с ним расставаться.

Мимо огромной водонапорной башни Захарка провёл Шевчука и Дюшу к длинному коровнику. Здесь доярки мазали стены коровника, утепляя его к зиме. Людмила Петровна — Захаркина мама — вышла к ним с руками, перепачканными глиной, улыбнулась и сказала:

— Вы уж извините, не можем вами заняться. Приходите в другой раз.

Где-то рядом гудел трактор, прошли самосвалы, выгрузили зелёную, мелко нарезанную кукурузу и умчались снова.

— Где это трактор гудит? — спросил Шевчук.

— В яме, силос трамбуется, — объяснил Захарка.

Скоро они подошли к краю огромной длинной ямы, напоминающей глубокий ров. На дне её работал бульдозер.

— Коровы любят силос. Молока много да-

ют, — стал объяснять Захарка. Ребята долго стояли и смотрели, как с поля одна за другой приходили машины, выгружались и снова уезжали. Бульдозер разравнивал кукурузу по всей яме и прессовал гусеницами.

Возвратившись домой, Юрий Николаевич отправил ребят отдыхать, а сам стал готовиться к рыбалке. Только привязал к леске крючки, как вдруг услышал за окном рокот. Рокот походил на ворчание щенков. Открыл окно — а внизу Захарка с Дюшей работают. Гудят оба, как тракторы. Дюша сопит, гудит под нос, ползает на животе, траву рвёт и носит Захарке. А Захарка бросает её в ямку и утюжит кирпичом. Силос заготавливают. Шевчук молча прикрыл окно, чтобы не мешать им работать.

Захаркина хитрость

В палисаднике Зотовых растут четыре берёзы. Высокие, толстые. Захаркин дедушка Прохор ещё в молодости их посадил. На каждом дереве по скворечнику.

Весной в них поселились скворцы, и теперь в ограде Зотовых весело. Каждый день птичий концерт, особенно по утрам. Скворцы будили Захарку, он вскакивал, выбегал во двор, садился на лавочку и, щуря глаза на солнце, слушал их щебетанье.

— Это они солнышку радуются, — говорила бабушка Вера. Она садилась рядом с внуком и тоже слушала. — Славят дом свой, солнце и весну.

— И дедушку славят? — спрашивал Захарка. — Это ведь он им скворечники сделал.

— И дедушку.

— А меня? Я тоже дедушке помогал, гвозди забивал, доски держал.

— Конечно, и тебя славят, и тебе песни поют. Слышишь, какие трели выводят? Прямо соловьи!

— А когда у них птенчики будут?

— Ну, до птенчиков ещё далеко. Сначала гнёзда намостят, потом скворчихи яйца снесут, а уж после из яиц птенцы выведутся, — разъясняла бабушка Захарке.

— Бабушка, а как мы узнаем, что у них птенчики появились?

— Как появятся, так о себе и заявят. Слушай внимательно — и обязательно услышишь.

Захарка с нетерпением стал ждать появления птенцов. Он часто сидел на лавочке и наблюдал за птицами. Захарка видел, как скворцы по-хозяйски расхаживали по двору, собирали соломинки, перьянки, пушинки и носили их в скворечники.

В кладовке Захарка нашёл узелок с перьями, забрался на крышу сарая и там перья высыпал. Их ветер разбросал по всему двору. Бабушка увидела — руками всплеснула.

— Что же это ты наделал? Я собирала перо на подушку, а ты его куда? На ветер?

— Не на ветер, — упрямо сказал Захарка. — На гнёзда скворчикам.

— Ишь ты, скворчикам, — бабушка поутихла, внимательно посмотрела на Захарку

и сказала: — Ладно уж, на первый раз прощаю. Но в следующий раз спрашивай, прежде чем взять.

Каждое утро подходил Захарка к берёзам, долго стоял и слушал. «Когда же они появятся?» — думал он. Только в скворечниках было тихо.

Но однажды утром вдруг услышал Захарка странный писк.

Он был очень тихий, так что мальчик слышал его еле-еле.

— Скворчата! Бабушка, у скворчиков появились птенцы! — закричал радостно Захарка. — Слышишь, слышишь, пицат?

— Дождался? Вот и заявили о себе, — улыбнулась бабушка и погладила внука по голове.

Через два дня и в других скворечниках слышался писк. Захарка теперь часами сидел на лавочке и слушал. Часто к нему приходил Дюша и тоже слушал. Старые скворцы уже не пели. С утра и до позднего вечера носили они птенцам еду.

— Вот едят, так едят! — удивлялся Захарка. — Это потому, что растут, — объяснял он Дюше.

Первые дни скворчата пищали тихо, еле слышно, но с каждым днём писк становился всё громче и настойчивее. Птенцы быстро росли и требовали есть. Старые скворцы старались во всю. От громкого писка даже куры стали вытягивать шеи и подозрительно косить на скворечники глаза. А петух ходил сердитый и никак не мог понять: откуда писк? Он даже взлетал на ограду и громко кричал своё: «Ку-ка-ре-ку!» Но скворчата на петушиный крик внимания не обращали, пищали по-прежнему.

Все было хорошо до поры до времени. Скворчата быстро росли и уже стали высываться из скворечника.

Сидели Захарка с Дюшей однажды на лавочке, разговаривали. И вдруг Дюша как закричит:

— Захарка, смотри! Смотри, Вавила на скворечнике!

Оказывается, слышал птенцов и кот Зотовых Вавила. Как он забрался на скворечник, ни Захарка, ни Дюша не видели. Кот сидел на крыше скворечника и лапой пытался достать из скворечника птенца. Вокруг него летали

встревоженные скворцы, возмущённо кричали на разбойника, но Вавила спокойно занимался своим чёрным делом.

— Вот разбойник! — Вначале Захарка даже растерялся. Потом вскочил, побежал к берёзе...

Когда Захарка явился к Юрию Николаевичу, то не мог сказать ни единого слова. По его бледному лицу, по блестящим глазам Шевчук понял: что-то случилось.

Наконец Захарка тяжело выдохнул:

— Одного скворчика слопал, разбойник.

— Не понял.

— Кот Вавила из скворечника птенчика вытащил и съел. Я его оттуда за хвост стащил.

— Что же ты так... Подожди, я тебе ссадины смажу. Ругалась бабушка?

— Ещё не видела. Но это не страшно. А вот кот может ещё залезть на берёзу и птенчиков вытащить.

Захарка вздохнул.

— Конечно, может! Даже вот теперь, пока ты здесь.

— Нет, сейчас он у меня на верёвке привязан. А потом, после. Вавила такой кот... Если

повадится, не остановится. Всех птенцов вытаскает. — Захарка тяжело вздохнул.

— Надо что-то придумать, чтобы твой кот не смог на дерево забраться, — сказал Шевчук, осторожно смазывая йодом ссадины на руках Захарки. Тот только морщился от боли.

— А знаешь, что я сделаю? — оживился вдруг Захарка. — Я ему когти обстригу. Он без когтей не залезет на берёзу.

Но Шевчук не одобрил его решение.

— Обстригать коту когти нельзя. Кот мышей ловить не сможет. Надо придумать что-то другое.

Захарка насупился и сел на табурет.

— Давай вместе будем думать, — предложил Юрий Николаевич. — Вместе легче думается. А что, если...

— Есть! Я придумал! — Захарка даже прищёлкнул языком от радости. — Я пояски сделаю. Вавила не сможет залезть на берёзу, скользить будет.

— Не понял, — взглянул на него Юрий Николаевич. — Что за пояски ты сделаешь?

— Очень просто, — стал объяснять Захарка. — Из жести вырежу широкие полоски,

оберну ими берёзы. И пусть Вавила тогда лезет. Ха-ха-ха! Вот умора будет! Он цап-царап, а когти по железу скользят. Раза два чебурахнется — не полезет больше.

— Да, действительно, так будет лучше, — поддержал его Шевчук. — Молодец, Захар. Светлая у тебя голова. Прямо изобретатель.

Но Захарка даже не дослушал похвалы, убежал. Не было его часа полтора, потом пришёл. Снова был удручён и необычно тих.

— Ещё одного съел? — встревожился Шевчук.

— Жести широкой нет, — сказал Захарка. — А от консервных банок слишком узкая.

— Ну ты, дружище, не унывай, — успокоил парня Юрий Николаевич. — Безвыходных положений не бывает. Надо подумать. Может у вас есть старые железные вёдра? Без дна, например? Я тебе одно такое дам. У бабушки Вари видел.

— Вёдра есть! — радостно вскочил Захарка.

Юрий Николаевич думал, что Захарка скоро прибежит обратно, но ошибся. Его не было. Шевчук не выдержал, вышел на улицу, заглянул через штакетник во двор Зотовых и уви-

дел Захарку и Дюшу. Они работали. Захарка с молотком и зубилом потел над старым ведром, а Дюша ему помогал: держал ведро.

Шевчук вернулся к себе, вытащил из сарая старые, видно оставшиеся у бабушки Вари ещё от деда, ножницы по железу, и пошёл помогать ребятам. Разрезал ведра по длине, остриг швы, раскроил. Втроём на круглом полене сделали железные рукава и надели их на берёзы.

— Всё! — радовался Захарка. — Теперь скворчикам ни Вавила, ни другой кот не страшен. Ты, Вавила, хитрый кот, но я тебя хитрей, — смеялся он.

Тетеревиная баня

Утром к Шевчуку заехал лесник.
— Собирайся, — сказал, — поедем в лес, с хозяйством тебя познакомлю. Пора и за дело приниматься.

На вид Василий Алексеевич Ведерников — человек не старый. Загорелое обветренное лицо без морщин, только у глаз справа и слева разбежались тонкие лучики. На леснике кирзовые сапоги, белёсый брезентовый дождевик и форменная фуражка с зелёным кантом и дубовыми листочками вперехлёст на околыше. Он широк в плечах и при ходьбе сильно сутулится.

Юрий Николаевич, натягивая на себя штормовку, слышал, как во дворе Василий Алексеевич разговаривал с бабушкой Варей.

— У тебя, Варвара Ивановна, случаем, зола есть?

— Как не быть. Печку дровами топлю. Вон, смотри, какой бугор за зиму собрался.

— Можно забрать?

— Сделай милость. Зачем она тебе? — удивлённо спросила бабушка Варя.

— Да так... Для дела нужно, — нехотя ответил лесник, а потом крикнул Шевчуку: — Помоги грузить.

«Чудак, зачем ему зола? — размышлял Шевчук, помогая грузить золу. Он насыпал её лопатой в вёдра и таскал леснику на телегу. На телеге стояли три деревянные бочки. Одна была уже полная, а две пустые. В них и сыпал лесник золу.

— Куда вам столько? На удобрение? — спросил Шевчук.

— Потом узнаешь, — загадочно улыбнулся Василий Алексеевич.

Наполняя бочки, Юрий Николаевич вдруг вспомнил о Захарке. Мальчик просил взять и его в лес.

— Здесь у меня товарищ есть, — сказал он леснику. — Уж очень хотел с нами в лес поехать. Нельзя ли его взять?

— Что ещё за товарищ? — удивлённо спросил лесник. — На телеге места нет.

— Первоклассник. Ему много места не надо. Захаркой зовут, сосед.

— Захаркой? — Василий Алексеевич улыбнулся. — Этого взять можно. Он и ко мне всё

время пристаёт. Ладно, возьмём. Детская память цепкая, добро долго помнит. Зови!

Захарка сидел на лавочке и слушал скворцов.

— В лес поедешь?

— Ура! Еду! — обрадовался мальчишка.

И вот они в дороге. Телега жалобно поскрипывает, колёса подпрыгивают на кочках и ямах. Лошадь по кличке Груня, старая толстобрюхая кобыла игреневого масти, бойко семенит кривыми косматыми ногами. Василий Алексеевич иногда понукает Груню, машет на неё вожжами, но Шевчуку кажется, что Груня на него внимания не обращает.

Дорога поросла подорожником, широкие листья хрустят под колёсами, а пушистые метёлки бьют Груню по ногам. По сторонам дороги в задумчивости стоят старые берёзы, осины, зеленеют заросли молодняка. Всё свежо, нарядно.

Захарка пристроился сзади на телеге, мотает ногами и смотрит вокруг. Голубые его глаза восторженно блестят.

— Справа лес называется Благодатный, а слева — Долгий, — объясняет лесник. — А вон

там, за Благодатным, — Чёрный колок. Там мы и оставим золу.

— На удобрение? — снова поинтересовался Шевчук.

— Да нет, — качнул головой Василий Алексеевич. — Хочу баню тетеревам устроить.

— Баню? — аж подскочил Захарка.

— Не видел птичьей бани? — улыбается лесник.

— Нет!

— Посмотришь, — обещает ему Василий Алексеевич.

И тут Шевчук вдруг заметил в редком осиннике гривистое чудовище. Огромный бурый зверь устался на телегу с людьми.

— Стойте! — Шевчук толкнул лесника в плечо.

— Что случилось? — Василий Алексеевич натянул вожжи и взгляделся в осинник. — А, забыл... Совсем забыл. Мы же заехали в его владения. Смотрите, сейчас он к нам выйдет.

— Кто выйдет? — Захарка закрутил головой. — Ух ты! Вот это лось, так лось!

— Сейчас выйдет к нам! — Лесник взмахнул вожжами, и Груня послушно затрусилась по дороге.

И действительно, не успели они проехать и двадцати метров, как лось решительно вышел из осинника и остановился посреди доро-

ги. Теперь он был отлично виден — настоящий великан. Груня — рослая лошадь, но оказалась куда ниже его. Тёмно-коричневая шерсть зверя лоснилась на солнце. Он явно поджидал людей.

— Красавец! — восхищённо вздохнул лесник и придержал лошадь. Груня пошла медленнее.

— А он на нас не нападёт? — с опаской спросил Захарка.

— Поди знай, что у него на уме. Ему, пожалуй, ничего не стоит перевернуть нашу телегу, — сказал Шевчук Он жалел, что оставил дома фотоаппарат. Отличный мог бы получиться снимок.

— Он смирный, — успокоил мальчика лесник. — Мой воспитанник. Частенько ко мне выходит, встречает меня. Посмотрит и уйдёт.

Лось постоял минуту, посмотрел на людей, а потом не спеша пошёл впереди по дороге.

— Вот это здорово! — восхищался Захарка. — Ваш ручной лось?

— Было время, помог я ему, — сказал Василий Алексеевич. — Вот и помнит он добро. Не забыл.

Несколько минут они ехали следом за лошадью. Неожиданно зверь свернул с дороги и остановился на опушке осинника, стал скусывать мелкие веточки с молодых осинков. Телега проехала в семи шагах, но сохатый спокойно кормился.

— Будь здоров, Черныш! — крикнул ему лесник.

За осинником пересекли огромный заливной луг, потом по дороге через пшеничное поле снова выехали к лесу. Еле заметная дорога вилась по самой лесной опушке. Чуть в стороне, слева, тянулись кусты тальника, камыши, а дальше лежало кочковатое болото.

Здесь лесник спрыгнул с телеги и за поводок подвёл Груню к одинокой берёзке.

— Слезайте, приехали, — сказал он, привязывая лошадь к дереву. — Не шумите только.

Василий Алексеевич, шагая между редкими берёзками, направился к лесу. Пошли и Захарка с Шевчуком следом. В лесу было сыро и прохладно. Когда под ногами у Шевчука или Захарки трещала сухая валежина, лесник оборачивался к ним и, осуждающе качая головой, шептал:

— Тс-сс!

Вдруг лесник остановился и поднял руку. Остановились и Шевчук с Захаркой. Стояли и слушали тишину. И тут до их слуха донеслись странные звуки, непонятные голоса и какие-то удары. Будто кто-то шлёпал по воде рукой.

— Что это? — спросил Захарка шёпотом.

— Сейчас увидишь! — Лесник рукой велел им пригнуться, потом сам опустился на четвереньки и так, на четвереньках, двинулся вперёд. Шевчук с Захаркой, едва дыша, поползли за ним.

Вдруг впереди открылся огромный солнечный простор. Лес кончился, дальше раскинулось поле. Теперь яснее слышны птичьи голоса и непонятные хлопки. Облако пыли клубилось над полем. Василий Алексеевич прилёг у толстой берёзы за её корявыми, узловатыми корнями. Махнул рукой:

— Ползите сюда!

Юрий Николаевич с Захаркой тоже устроились рядом. Перед ними лежало вспаханное поле, а над пахотой поднималась пыль и оттуда доносились хлопанье и крики.

— Смотрите, как парятся, — тихо сказал лесник и хитровато подмигнул Захарке. — Во время приехали. Банный день у них сегодня.

— Ничего не вижу, — мотнул головой Шевчук.

— Вон, гляди, тетёрка. А вон ещё одна, ещё... — Захарка уже разглядел серых крупных птиц. Скоро и Шевчук заметил на чёрном поле тетеревов. Их было десятка полтора. Птицы от удовольствия покрякивали и хлопали себя крыльями, перевёртывались на спину, вытягивали лохматые ноги, обсыпались пылью. Солнце стояло высоко, было жарко и душно.

— Настоящая баня, — удивился Захарка. — Только воды нет и веников.

Они смотрели долго, наверное, целый час. Лежали молча, боясь испугнуть птиц. А тетерева, поднимая клубы пыли, порхали и, будто вениками, колотили себя крыльями.

— Пора ехать — вдруг сказал лесник и поднялся на ноги. — Хорошего понемногу. В другой раз ещё поглядим.

Поднялись и Шевчук с Захаркой. Тетерева, заметив людей, медленно, нехотя взлетали с

земли и скрывались в соседнем леске.

Пока Василий Алексеевич ходил за лоша-
дью, Шевчук с Захаркой осмотрели поле. На
опушке леса, на самом солнцепёке, оно всё
было в перьях и лунках. Здесь и находилась
главная тетеревиная баня.

— А я и не знал, что у тетеревов бывают ба-
ни, — радовался Захарка. — А золу вы для те-
теревов привезли?

— Для них, — кивнул Шевчук. — Зола для
птиц — всё равно что мыло для человека. По-
нял?

Подъехал лесник, остановил Груню на па-
хоте и сказал Шевчуку:

— Помоги разгрузить бочки. Пусть косачи
в золе попурхают.

— Вы как дедушка Мазай? — вдруг спросил
лесника Захарка.

— А разве плохо быть Мазаем? — Василий
Алексеевич лукаво посмотрел на Захарку.

— Я, когда вырасту, тоже буду дедом Маза-
ем, — твёрдо сказал Захарка.

Разгрузив бочки, разровняли золу и поеха-
ли осматривать другие лесные уголья.

Береговушки

В воскресенье собрался Шевчук на рыбалку. Встал рано, на дворе темно ещё. Тишина, даже петухи не поют. Постоял у ворот Зотовых — спят люди. Слышно, как в деннике корова тяжело вздыхает, жвачку жуёт. Подумал, подумал и пошёл на реку.

Отвязал лодку лесника и поплыл. Долго плыл, чтобы забраться подальше от деревни. Остановился посреди реки, якорь выбросил. Сидит, удочки перебрасывает. А клёва нет как нет. Вот и солнце взошло — огромное, оранжевое. Засветилась вода, красным пламенем вспыхнула. То тихо было, а тут враз стали просыпаться насекомые и птицы.

Конечно, первыми загудели комары. Они пикировали Шевчуку на лицо, на шею и руки. Кусали крепко, пока он отпугивающей мазью не смазался. Утихли комары — заквакали у берега лягушки. Где-то на болоте проснулись журавли, начали курлыкать. А тут и коростель — дергач свою песенку затянул. Дыр-дыр-рр! Дыр-рр! — неслось с луга. Все солнце приветствовали.

Посмотрел Юрий Николаевич на берег, а он высокий, крутой — ни одной травинки на нём, и весь в круглых дырках, будто кто нарочно палкой густо истыкал. Колония ласточек-береговушек поселилась.

И вдруг весь берег тоже ожил, запищал, защебетал на разные голоса: это из норок вылетели стремительные птички. У береговушек, оказывается, уже были птенцы, за ночь они проголодались и теперь просили, требовали есть. Птички-родители так и мелькали у Шевчука перед глазами. С раскрытыми клювиками они проносились над самой водой, мелькали над травой на берегу, собирая мошек.

Юрий Николаевич сидел в лодке и любовался полётом этих быстрых неутомонных птичек. Береговушки охотились, кормились сами и носили еду голодным птенцам. Шевчук даже пожалел, что не разбудил Захарку: мальчик был бы рад посмотреть на птиц. Сколько же надо пролететь за день, чтобы подкрепиться и накормить вечно голодных, быстро растущих птенцов?

Солнце поднялось выше, стало жарче. Клёв был слабый, и Шевчук уже думал плыть

домой, как вдруг услышал детские голоса.

По берегу шли трое мальчишек. На плечах удочки, в руках ведёрки. Издали трудно было разобрать кто. Ребята нашли удобное место, спустились к воде и остановились рядом с колонией береговушек. Шевчук видел, как двое стали разматывать удочки, а третий, положив свои снасти на землю, полез на отвесный берег «Что это он?» — удивился Юрий Николаевич.

Ласточки — береговушки забеспокоились и всей стаей налетели на мальчишку. Они подняли такой шум, хоть уши затыкай. Но мальчишка не обращал внимания на птиц, лез на обрыв, соскальзывал с отвесной стены и снова лез.

— Ты что там делаешь? — окликнул его один из рыболовов. По голосу Шевчук и узнал его: это кричал Захарка.

— Идите сюда! У них птенцы! — Мальчишка уже добрался до норки и засунул в неё руку.

— Нельзя их трогать! — закричал Захарка сердито. — Слазь!

— Не шуми, Парашютист. Тут их много.

— Нельзя береговушек разорять! — Захарка подбежал к товарищу и потянул его за штанину. — Слазь, тебе говорят!

— А тебе что? — рассердился мальчишка. — Хочу — и разоряю. Тоже мне защитник! — Он извивался, стараясь просунуть руку дальше, но до гнезда, видно, достать не мог.

— Не дам разорять! — вспыхнул Захарка и дёрнул приятеля изо всех сил за штанину.

Шевчук увидел, как мальчишка сорвался со стены, и они с Захаркой кубарем покатились вниз, к воде. Быстро выдернув якорь, Юрий Николаевич взмахнул веслом и лодка его понеслась к месту происшествия.

— Прекратите! — Шевчук выскочил из лодки, кинулся к ребятам. Ведь они могли свалиться в воду, а у отвесного берега, как правило, глубоко. Те тузили друг друга, как рассерженные молодые петушки, третий мальчишка растерянно стоял рядом.

— Встать! — крикнул Шевчук строго.

Ребятишки вскочили на ноги, тяжело переводя дыхание.

— Тебя как звать? — спросил Шевчук про-

винившегося.

— Фролов. — Мальчишка рукавом вытер нос.

— Так вот, Фролов, чтобы я твоего духу здесь не видел. Если узнаю, что ты разоряешь гнёзда, накажу. — Шевчук повернул мальчишку лицом к посёлку. — Бегом марш!

Фролов схватил свои снасти и, выбравшись на берег, оглянулся.

— Иди, иди! — крикнул ему Шевчук. Потом повернулся к Захарке. Куртка и брюки на нём были в глине, лицо и руки измазаны грязью.

— Хотел тебя утром разбудить, да постеснялся. Строгая у тебя бабушка. Теперь, конечно, тебе от неё достанется, — осмотрел он грязную Захаркину одежду.

— Зато Фролов ни одной береговушки не разорил. Он ведь сильнее меня, а вот я не дал, — не без гордости сказал Захарка.

— Ладно, герой. Вымой лицо и руки и прыгай ко мне в лодку. Порыбачим, пока обсохнешь. Знаешь поговорку: грязь не сало, высохло — отстало. Обсохнешь, обомнём грязь и поплывём домой. — Шевчук взглянул на тре-

тъяго мальчишку, который с удочкой переми-
нался с ноги на ногу. — А это кто?

— Антошкин, — подсказал Захарка.

— Что же ты, Антошкин, смотришь, как
гнёзда разоряют и друзей бьют? А если бы
они утонули?

— Не утонули бы, — сказал Антошкин и
стал сматывать удочки. — Только охладились
бы маленько. Пойду я однако.

— Давай, топай, — махнул рукой Захарка,
выбрал удобное место и стал умываться.

СОЛОВКО

Так звали колхозного коня. В жаркое летнее время он целыми днями стоял в тени кузницы, прикрыв глаза, отвесив нижнюю морщинистую губу. Иногда Соловко мотал головой, махал белым хвостом — отгонял назойливых комаров и мух. Был он намного старше Груни, высокий, поджарый, с белой седой гривой и, как говорили колхозники, мирно доживал свой век на заслуженной пенсии.

Для мальчишек нет большего удовольствия, чем покататься верхом на коне. Поэтому они постоянно ходили стайкой за колхозным конюхом дедом Иваном и просили позволить сводить коней на речку покупать.

— Марш отседова! — обычно гнал ребят дед Иван. — Убьётеся — греха не оберёшься.

Дед любил поворчать. Но поворчав, обычно добрел и разрешал ребятам съездить на речку. Помогал сесть верхом, и ребята с криком и гиком мчались во весь опор по деревенской улице, пугая собак, кошек и кур.

На речке ребята купались сами, мыли лошадей, а потом мчались обратно на конюш-

ню.

— Вы бы, сорочата, Соловка хоть раз на реку сводили, — сказал однажды ребятам конюх. — Старый, заслуженный конь, покупали бы его там.

— Да он еле ноги передвигает, — засмеялся долговязый Фролов. — До реки не добежит — околеет.

— Да что ты понимаешь? — рассердился конюх. — Буденновской породы конь. Учёный.

— Какой он учёный, если читать не умеет, — съязвил Фролов.

— Не дам коней. Всё! Баста! — заупрямился дед Иван. — Марш с конюшни. Что стоите? Марш, вам говорят! — Дед даже побледнел. — И не ходите больше. Такой конь!

— Дедушка, не слушайте его, — вмешался Захарка. — Давайте я Соловка свожу на речку.

— Я пошутил. Уже и пошутить нельзя, — стал оправдываться Фролов.

— Пошутил он... Да ты знаешь, что Соловка — золотой конь? Когда мы его взяли, он на ноги жаловался. А потом выходили. — Дед Иван ещё долго ворчал, а потом подобрел. —

Больше десяти лет проработал Соловко в колхозе. Все тяжёлые работы выполнял. Ладно, веди, Захарка, сюда Соловка. Только уздечку возьми. Сводишь на речку, покупаешь — порадуешь старика.

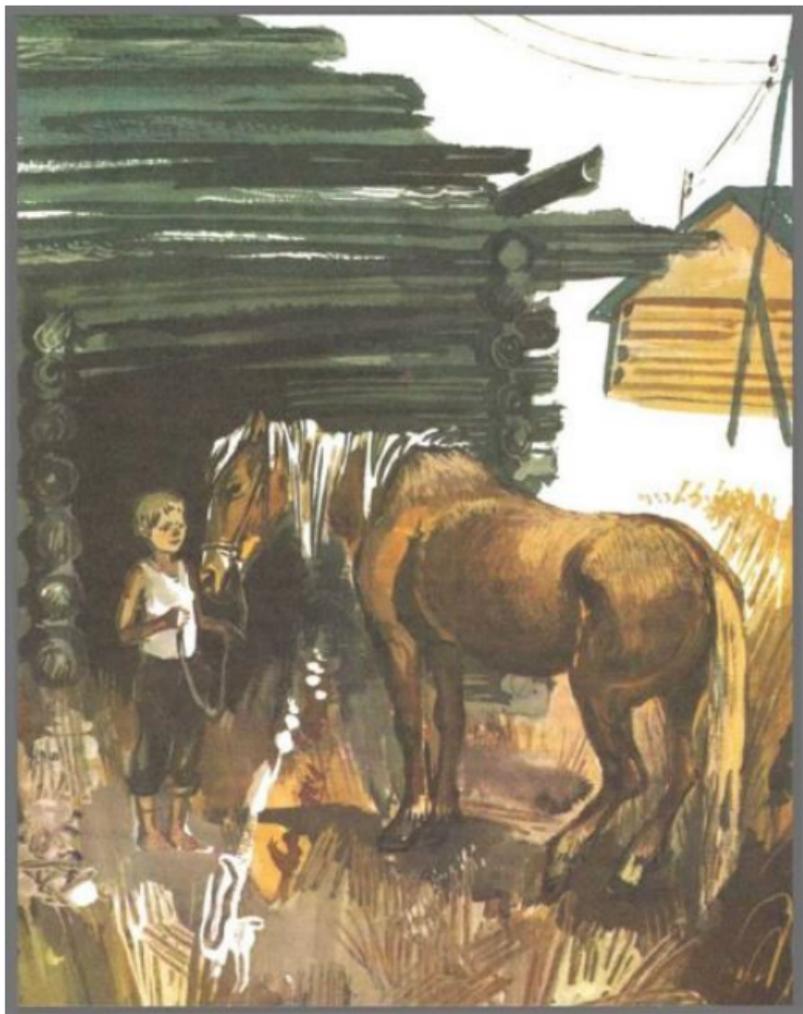
Коня Захарка нашёл всё за той же кузницей. Он понуро стоял в тени, прядая ушами. Иногда махал головой, отгонял мух. Захарка привёл коня, дед Иван ласково похлопал Соловка по шее.

— Здорово, старичок, здорово! Как отдыхаешь? Я вот тебе овсеца припас. Хороший овёс. — Дед Иван поднёс коню в ведре корм.

Ребята стояли и смотрели. Ни с одним конём конюх так ласково не обращался. А Соловко уже хрумкал зерно, подбирая его мягкими губами.

— А теперь веди на реку, — сказал конюх, когда конь сжевал последние зёрна. — Езжай потихоньку, мы тебя догоним. — Дед Иван подсадил Захарку на спину коню.

До речки было недалеко, не больше километра. Соловко шёл шагом, Захарка подгонял его голыми пятками. Ему хотелось быстрее проехать деревню, казалось, что все провожа-

ют его насмешливыми взглядами. Но Соловко
шёл медленно.

Не успел Захарка проехать половины пу-
ти, как услышал голоса и конский топот.

— Ура-а-а! — кричали ребята.

И вдруг Соловко встрепенулся. Видно, вспомнил молодость. Захарка не успел оглянуться, как конь рванулся вперёд.

— Придержи коня! — услышал Захарка голос конюха. — Убьёшься!

Но где там! Захарка был счастлив, что ребята не могут его догнать. Всё поддавал пятками коню по бокам, а тот мчался уже галопом.

Это должно было произойти. Захарка совсем забыл про канаву. Её колхозники выкопали, чтобы спускать воду в речку из болота. Весной в канаве гудел бурный ручей, а теперь была только грязь. Канавка стремительно приближалась.

Захарка вскрикнул, закрыл глаза. Соловко прыгнул, но перепрыгнуть широкую канаву не смог. Захарка почувствовал, как летит по воздуху, потом ударился и потерял сознание.

Когда Захарка пришёл в себя, он ощутил мягкое прикосновение чего-то нежного к своим щекам, носу, губам. Открыл глаза и увидел Соловку. Тот стоял над ним, согнув передние ноги, и губами трогал его щёки. Из глаз коня текли слёзы. Слёзы у него, видно, появились от быстрого бега, но Захарке показалось, что

Соловко просит у него прощения. «Прости, мол, меня, старика. Не рассчитал свои силы. Вспомнил былое».

Подъехали ребята, конюх дед Иван, кинулись к Захарке.

— Убился, сорочонок! — сокрушался конюх.

— Смотрите, Соловко стоит перед Захаркой на коленях, — удивлялись ребята.

— Да жив я, здоров, — вскочил Захарка на ноги. — Только вот шишку набил. А Соловко совсем не виноват. — Захарка быстро взобрался обратно коню на спину.

— Соловку цены нет, — говорил конюх, обрadowанный таким исходом. — Если бы другой конь, то мог задавить своим телом парня, а этот учёный. Кавалерийский, одним словом, конь.

— А как бегаёт! — восхищался Фролов.

— Мой конёк! — гордо сказал Захарка и ласково похлопал Соловка по шее.

— Наш будет. Мы все берём над ним шефство, — решил Фролов. Ребята его поддержали. Конюх дед Иван был доволен.

Лесные хирурги

Телега остановилась на опушке леса. Пока старый лесник распрягал Груню, Шевчук с Захаркой разминали уставшие от долгой езды ноги.

Стреножив лошадь, Василий Алексеевич отпустил её пастись.

Стоял жаркий день. Ни один листочек, ни одна травинка не шелохнётся. Только голоса лесных птиц раздавались в глубине леса.

Скоро они уже бодро шагали по густому высокому разнотравью.

А в лесу... До чего же приятно! Не жарко, пахнет свежим берёзовым листом, лесной прелью и грибами. Лесник вытащил из кармана складной нож, нагнулся — и вот у него в руке уже нежный, ароматный, с прилипшими травинками белый гриб — боровик. Василий Алексеевич не уходит, ищет палочкой в траве, снова нагибается и снова срезает под корень гриб.

— Да их здесь целая армия! — удивляется Шевчук.

— А вот ещё, ещё! — радостно кричит За-

харка. Он нашёл сразу три гриба.

Скоро и Шевчук нашёл большую грибницу боровиков. Будто из белого мрамора, твёрдые, плотные, грибы расселись в широкий круг.

— Захарка, принеси-ка мой дождевик. Он остался на телеге, — кричит Захарке лесник. — Тут ещё много.

Захарка в один миг вернулся с дождевиком.

Лесник расстелил дождевик на поляне.

— Будем в него класть.

Грибы встречались часто: белые, волнушки, грузди. Захарка, радостный и возбуждённый, относил грибы в фуражке, высыпал на дождевик.

Вдруг он остановился, взял в руки ветку и внимательно оглядел её.

— Ты чего? — поднял голову Шевчук.

— Смотри, кто это веток наломал? Совсем недавно сломлены.

Юрий Николаевич подошёл к Захарке. Вокруг были разбросаны сухие ветки берёз, осин. Будто кто-то срезал их, но убрать не успел.

— Кто это постарался? — показал Шевчук

леснику сухую ветку. — Неделю назад ничего не было.

— А ведь и правда, не было, — лесник задумался. — Не было здесь сушняка, хорошо помню. — Он сдвинул фуражку на лоб и в растерянности скрёб затылок.

— Смотрите, вон ещё наломано, — показал Захарка.

— Странно! — недоуменно огляделся Шевчук.

— А... всё ясно, — улыбнулся Василий Алексеевич. — Лесной хирург поработал.

— Хирург? — переспросил Шевчук.

— Он самый. Почти все сухие веточки с деревьев обломал. Постарался! — Лесник, довольный, переходил от ствола к стволу. — Деревьям теперь легче без сушин.

Юрий Николаевич знал, что лесным доктором обычно называют пёстро́го дятла. В этом лесу дятлов много, но столько веток они не наломали бы... Нет, только не дятлы.

— Не догадались? — Лесник хитровато посмотрел на своих спутников. Шевчук понял, что лесник ждёт, кто разгадает эту лесную загадку.

— Что даёт, к примеру, дождь? — задал он наводящий вопрос.

— Это я знаю, — засмеялся Захарка. — Деревья растут, трава, грибы. Картошка на огороде, капуста и огурцы.

— Выходит, знаешь. А что делает ветер? — спросил лесник.

— Так это ветер обломал ветки? — удивился Захарка.

— Он самый. Ветер-сучколом. Помните, дня четыре назад гроза была и ветер бушевал? Вот он все сухие сучки и обломал. А после дождя грибы пошли. Сделал ветер пользу для леса или нет?

— Сделал, — кивнул Захарка.

— Годика через два-три тонкие сучки сопреют, удобрение для деревьев будет. Лучше трава станет расти и грибы. Выходит, и в лесу свой хирург имеется, все мёртвые веточки с деревьев отламывает. А вот толстые ветки надо бы убрать: они только лес захламляют. Поможем лесу?

— Поможем, — обрадовался Захарка.

Втроём они стали собирать толстые сучки и выносить на опушку. Работали почти до

темна. Грибы тоже собирали. Только вечером, усталые и довольные, отправились в деревню.

— Дедушка, а мы лесу помогли? Он нам спасибо скажет? — спросил дорогой Захарка лесника.

— Ещё какое спасибо — мы сегодня вроде лесных хирургов поработали, — сказал старый лесник. — Лес нас долго будет помнить.

Не та рыба

Тихое утро. Шевчук с Захаркой сидят в широкой лодке — плоскодонке на середине речки. Замерли в неподвижности их поплавки. Сидят уже полчаса, а хоть бы одна поклевка.

— Спит ещё рыба, — говорит Захарка и перебрасывает удочку на другое место. — Скоро должна проснуться. Слышишь, бабка Андрониха кричит, уток своих гонит. Значит, и рыбе пора просыпаться.

Над рекой стоит туман. Не широка речка Чулым, а берегов из-за тумана не видно. Не проглядываются и дома на берегу. Только слышно, как поют, надрываются деревенские петухи, будто удаль свою один перед другим показывают.

Рано потемну разбудил Шевчук Захарку. Уж очень мальчишка просился с ним на рыбалку. Ему нравится встречать новый день на реке. Хорошо здесь утром. Свежий, влажный и ароматный воздух. Дышится легко. У воды заросли камыша, ивы склонились над водой. Когда ветер рябит воду, кажется, что не на

ягоре стоишь, а плывёшь вдоль этих ив, мимо зарослей кувшинок.

Стая уток спустилась на воду, зашумела, закричала. Утки радостно хлопали крыльями, ныряли, гонялись друг за дружкой. Шумно стало на реке.

— Жди теперь клёва. Разбудят утки рыбу, — пообещал Захарка.

Шевчук в тумане с трудом разглядел нескладный силуэт бабки Андроники. Она стояла на берегу и следила за утками. Постояв несколько минут, старуха скрылась — пошла выгонять скотину. И тут Юрий Николаевич увидел, как Захаркин поплавок заплясал на воде, потом дёрнулся сильнее и поплыл в сторону.

— Клюёт, клюёт! — зашептал Шевчук горячо.

— Вижу! — Захарка ловко подсёк чебака. Блеснув чешуёй, небольшая рыбка затрепетала в руке мальчишки.

— Что же ты? Тебе ещё надо расти да расти, — тихо заговорил Захарка с рыбкой. Он аккуратно снял её с крючка и, к удивлению Шевчука, выпустил в воду. — Гуляй ещё, рас-

ти. А когда вырастешь, не попадайся.

Через пять минут второй чебак тоже нырнул в воду.

— Этак и на уху не наловим, — укоризненно сказал Шевчук.

— С мелюзги всё равно толку мало. Вот года через два из неё вырастет хорошая рыба. Дедушка Прохор, когда мы с ним рыбачим, всегда мелочь выпускает.

— Правильный твой дед, — говорит Юрий Николаевич и тоже отпускает в воду небольшого окунька. Странно, но, отпустив рыбку, почувствовал, как на душе стало легко и радостно, будто совершил геройский, благородный поступок.

Снова сидят молча. Иногда клюнет чебак или окунь — и опять затишье. Выкатилось из-за леса солнце, окрасило воду в огненно — красный цвет. Все вокруг преобразилось. Туман поднялся выше и скоро совсем исчез, словно его и не было вовсе. По берегу прошло стадо коров.

Утки бабки Андроники, размяв крылья, принялись за кормёжку: ныряли, доставали из воды корешки, процеживали ил, шлёпали

клювами — лопаточками. Только хвосты да жёлтые лапки торчали из воды. Крупные у бабки утята, не отличишь от старых уток.

Уже несколько окуней и чебаков оставлены на уху, спущены в садке за борт. Захарка снял куртку — солнце стало припекать.

— Смотри, что это с ним? — вдруг толкнул Захарка Шевчука в плечо и кивнул на утёнка. Вернее, на хвост, торчащий из воды. Хвост то уходил под воду, то выныривал снова, то метался из стороны в сторону.

— Запутался, может? — присмотрелся Шевчук.

— Какой запутался! Щука его поймала! — Захарка бросил удочку в лодку, схватил сачок. — Гребите к нему быстрее!

Три сильных удара вёслами — и они среди утят. Те с криком шарахнулись в разные стороны.

— Утащила, — беспомощно оглянулся Захарка вокруг.

— Да нет, вот он, вот! — Шевчук увидел хвост утёнка и направил к нему лодку. Потом выхватил у Захарки сачок, взмахнул им.

Сильные крылья утёнка хлопали по воде,

обдавая рыбаков брызгами. Шевчук никак не мог удержать лодку. Она, как назло, вертелась и уходила в сторону.

— Левее, левее давай! — шумел Захарка, бегая по лодке. Лодка качалась, едва не опрокидываясь.

И тут Шевчук увидел топляк — чёрное метровое полено. Оно вывернулось у самого борта, и в тот же миг Шевчук подхватил его сачком. Бревно неожиданно ожило, ударило по воде хвостом и окатило рыбаков с ног до головы водой.

— Щука!!

— Помогай! Держи лодку! — Шевчук упёрся в дно лодки коленями, пытаясь вытащить из воды сачок. Но он был такой тяжёлый, что Юрий Николаевич чуть-чуть не выпустил его из рук. Подскочил Захарка, и вдвоём они выволокли щуку вместе с утёнком в лодку.

— Вот это зверюга! На утят охотилась! — Захарка черпачком пытался разжать щуке пасть и освободить утенка.

— Осторожно, чтобы она тебе палец не откусила, — предупредил мальчика Шевчук.

— Видно, она и маленьких утят таскала.

Только у бабки Андроники четыре утёнка пропало. Такая и гуся может слопать.

Вдвоём они освободили утёнка, положили его на штормовку. Голова его обвисла, глаза были закрыты.

— Пропал ещё один утёнок. Помяла его эта зверюга, — сокрушался Захарка.

Но он ошибся. Через несколько минут утёнок попытался встать на лапки.

— Смотри, какой живучий. Теперь ожи-вёт, — обрадовался Захарка. Он взял утёнка и выпустил на воду. — Вовремя мы подоспели.

Утёнок посидел ещё несколько минут неподвижно, а потом медленно поплыл к своим братьям.

— Ну что, и рыбку выпустим? — улыбаясь, спросил Шевчук. — Выросла ли она?

— Эта выросла, — засмеялся Захарка. — Ки-лограммов десять, наверное, потянет.

Щука была почти чёрная, даже пятна на животе и боках тёмно — серые. Она спокойно лежала на дне лодки, только жабры её мед-ленно поднимались и опускались.

— Накрой её моей штормовкой, чтобы на солнце не засыхала, — сказал Шевчук, на-

правляя лодку к берегу.

Гордые, шли они с реки домой. Шевчук нёс щуку на плече, а Захарка поддерживал хвост.

Заячье спасибо

Проснулся Захарка от автомобильного гудка. Было раннее утро. Он лежал и слушал, как на кухне мама собирается на работу. Это за ней заехал дядя Петя на автобусе. Он каждое утро отвозит доярок на выпасы доить коров. Мама вышла, на улице заработал мотор, и всё стихло.

Спать Захарке уже не хотелось. Он поднялся, вышел на улицу и увидел у ворот бабки Вари запряжённую Груню. Вернулся в комнату, надел куртку, сапоги, фуражку, сунул кусок хлеба в карман.

— Ты куда это в такую рань? На рыбалку? — спросила его бабушка Вера.

— Нет, в лес поеду, — крикнул Захарка и хлопнул дверью. Он спешил.

Прибежал к Юрию Николаевичу и увидел лесника.

— С нами собрался? — спросил его Василий Алексеевич.

Захарка молча кивнул головой.

— Нам сегодня долго ездить придётся. Косять будем, — сказал лесник, отвязывая ло-

шадь от столбика. — И комаров в лесу много.

— У меня мазь от комаров есть, — Захарка достал из кармана маленький пузырёк с жидкостью. — Ни один комар не укусит.

— Это хорошо, но скучно тебе с нами будет. — Лесник вопросительно посмотрел на Шевчука.

— Мне с вами скучно не бывает.

— Пусть едет, — сказал Юрий Николаевич. — Там и воздух свежее, а может, что-то новое узнает. В лесу всегда побывать интересно.

— Я и помогать вам буду, — пообещал Захарка, забираясь на телегу.

Они ехали по тихой и ещё пустынной улице. Люди уже не спали. Женщины доили коров, звон тугих струй молока раздавался из денников. Проехали возле строительства новых ясель, свернули в переулок.

— Ну, отец-то что пишет? — спросил Захарку лесник.

Отец мальчика ещё ранней весной уехал в командировку в Монголию.

— Хорошо живёт, работает не на бульдозере, а на кране, — сказал Захарка и вздохнул.

— Не собирается в отпуск приехать?

— Нет, ещё только полгода прошло, — снова вздохнул Захарка.

— Скучаешь?

Мальчишка кивнул головой.

Остановились на лесной поляне. Лесник выпряг Груню, стреножил её и пустил пасти. Потом вытащил из телеги две косы и грабли.

— Чтобы нам лоси и косули сказали спасибо, надо поработать, — сказал Василий Алексеевич, подавая косу Шевчуку, а Захарке грабли.

— За что спасибо? — спросил Захарка.

— Как за что? Зимой у нас морозы стоят, снегу много, косулям и лосям трудно траву доставать. Тяжело им, горемыкам, зимой. А если мы им сена заготовим, они и скажут нам спасибо.

Пересекли густой осинник и вышли на лесную полянку. Она заросла высоким разнотравьем. Захарка почти спрятался в траве. Росли здесь и борщевник и мышиный горошек — густая, спутанная трава. Тихо на полянке, солнечно.

— Какое богатство пропадает! Траву с этой поляны только вертолётom можно вывезти. А мы здесь стожок поставим. Придут зимой лоси или косули — обед готов. — Лесник сбросил пиджак, поплевал на ладони.

— Ну, начали, — сказал и размахнулся косой. Стальное лезвие мелькнуло раз, второй, засверкало, будто солнечный зайчик. Вжик, вж-жик! Трава ложилась в толстый валок.

За лесником шёл Шевчук. У него сначала получалось хуже, коса только пригибала траву, но скоро и он приловчился. Захарка стоял поодаль и с интересом наблюдал за работой. Ему очень хотелось и самому пройти с косой по этой высокой и густой траве. Но третьей косы не было, и Захарке оставалось только смотреть.

Дойдя до края поляны, лесник остановился, рукавом вытер со лба пот и начал точить косу. Раз, раз — быстро — быстро заработал брусом, обтёр лезвие травой и снова принялся за работу.

Захарке казалось, что косить совсем легко и весело, что трава сама ложится в толстый валок. Но он видел, как пот катится у косарей

по лицу, как темнеют на спине их рубашки.

— Поменьше руками махай, корпусом работай, — советовал лесник Шевчуку. — Смотри на меня и учись.

Василий Алексеевич шёл не спеша, чуть — чуть прихрамывая на больную ногу. А лезвие косы так и мелькало из стороны в сторону. Вот он остановился, перевёл дыхание и сказал Захарке:

— А ты, парень, растаскивай граблями валки, чтобы быстрее просохли. Очень уж толстые получаются.

Захарка рад, что дело нашлось. Граблями и руками разносил и разбрасывал траву по поляне. Через час полянку было не узнать. Она показалась Захарке светлее и просторнее.

— Ну вот, добрая копна сена получится, — сказал лесник. — Денёк-два полежит — и можно складывать.

— Ещё две полянки надо выкосить, — сказал Шевчук.

— Выкосим, а потом уж пойдём на обед. Не устал? — спросил Захарку.

— Нет! — Мальчишка от работы раскраснелся.

Когда выкосили ещё две поляны, пошли на обед. Расположились под огромной раскидистой берёзой. В тени её стоял невысокий стожок сена. Захарка удивился, когда увидел, что это совсем не стожок, а балаган из сена. В балагане было сухо и прохладно, на полу лежали дождевик лесника и штормовка Юрия Николаевича. Здесь же стоял чайник, а на верёвке подвешена сумка с продуктами. В ней нашлись и сахар, и макароны, и картошка.

— Вот это стожок! — удивлялся Захарка. — А кто в нём живёт? И зачем сумка подвешена?

— Наш стан, — объяснил лесник. — А сумку подвесили, чтобы мыши продукты не испортили.

— Помогай обед готовить, — велел Шевчук Захарке. — Воды принеси, — подал ему чайник.

— Откуда?

— Из колодца. Тут у нас и свой колодец есть.

Захарка нашёл в кустах небольшой родничок. Припал к нему, чтобы напиться. Вода была холодная и вкусная. Напился, набрал в

чайник.

— Картошку чистить умеешь? — спросил Захарку лесник, когда тот принёс воды.

— Умею! — Захарка вытащил из кармана маленький складень.

Разожгли костёр. На палке подвесили чайник и чугунок. Захарка подкладывал в костёр сухие палочки, мешал поварёшкой «лесную» похлёбку. Лесники лежали рядом и отдыхали.

— А зайцы сено едят? — спросил Захарка. — Они нам спасибо скажут?

— О, сено зайцы любят. Вот сейчас пообедаем, пойдём для них стожок ставить. — Лесник принёс из балагана чашки и ложки.

Вкусен обед в лесу. Особенно чай, заваренный свежими листьями смородины, пахнущий дымком. Захарка выпил две кружки, погладил живот и сказал:

— Спасибо за обед, наелся дармоед.

— Ну, ты это зря, — улыбнулся Шевчук. — Ты обед отработал, и ещё поработаешь.

После короткого отдыха лесники взяли вилы, Захарка грабли и все направились в лес. Пришли на совсем крошечную полянку.

— Испокон веков здесь никто не косил, а

мы копёнку сложим, — сказал лесник. Он взял из валка пучок травы, смял её. — Высохло, можно складывать.

Захарка сгребал сено и представлял морозную зиму. Всё в снегу — берёзы, кусты, поляна. А вокруг копны бегают и прыгают зайцы, белые, с длинными ушами. Много зайцев, со всего леса сбежались. Они садятся на задние длинные ноги вокруг копны, хрустят сеном и вспоминают лесника Юрия Николаевича и его, Захарку.

Веники для лося

Вернулся домой Захарка поздно. Мама встретила его у ворот: ждала сына. Взяла крепко за руку и повела в дом.

За столом сидели бабушка и дедушка.

— Полюбуйтесь на него. Целый день где-то пропадает. Вот объясни нам, где тебя носило? — спросила мама строго.

— В лесу был, зайцам сено косил. — Захарка растерянно переводил взгляд с мамы на дедушку с бабушкой. Утром он не предупредил бабушку, что поздно вернётся.

— Гляди-ка, он уже сено косит, — засмеялся дедушка Прохор. — Молодец! С кем ты там работаешь?

— С Юрием Николаевичем и дедушкой Васей.

— А может, и хорошо, что он ездит в лес? — Дедушка притянул внука к себе и погладил. — Василий Алексеевич да и помощник его плохому не научат.

Захарка, ободрённый дедушкиной поддержкой, спросил:

— Можно мне и завтра с ними?

— Значит, ещё не накосили зайцам сена? — улыбаясь, спросила мать.

— Мы ещё косулям и лосям будем косить, — сказал Захарка.

Утром он снова отправился с лесниками в лес. Захарка был рад, что мама простила его и даже приготовила сумку с продуктами.

Василий Алексеевич причмокивал губами, махал вожжами на Груню, и та ускоряла шаг. Ехали долго, пока не приехали в огромный старый лес с небольшими полянками. Он зарос тальником, кустами смородины и шиповника. Но больше всего здесь было берёз, толстых и ветвистых.

Василий Алексеевич остановил лошадь на широкой поляне.

Взяв топоры и проволоку, лесники направились в глубь леса.

— Надо осветлять лес, — сказал Шевчук. — Много старых деревьев, молодняк совсем затеняют.

— Я уж и сам думал, — кивнул Василий Алексеевич. — Будем осенью отсюда выделять на дрова.

Захарка шёл за ними по пятам.

— А что такое осветлять? — спросил он.

— А это вырубать старые, кривые, больные деревья, чтобы не мешали расти молодым, — объяснил Шевчук Захарке.

— Пожалуй, с этой берёзы и начнём! — остановился лесник у старой ветвистой берёзы.

Шевчук легко забрался на нижний сук и взмахнул топором. Ветка с листьями свалилась на землю, затем другая. Лесник подбирал ветки и складывал в кучки. Захарка ему помогал, подтаскивал ближе сучки с ветками и листьями.

С каждого дерева Юрий Николаевич срубал четыре-пять нижних сучков, потом переходил к новой берёзе. Когда у ног лесника выросла большая куча веток, он крикнул Шевчуку:

— Слезай, Юрий! Надо связать веники и повесить.

Захарка удивился, когда увидел, что лесники связывают огромные веники в дружки — по парам. Юрий Николаевич срубил высокую берёзу, очистил её от веток и положил жердь на сучки двух деревьев. На неё и стали ве-

шать веники. Захарка, как ни старался, дотянуться до них не мог.

Повесив все веники на жердь, они перешли на другое место. И снова Шевчук срубал нижние сучки, лесник связывал веники, а потом вешали их парами на жердь. Теперь и Захарка связывал прутьики в большие охапки. Он старался, потому что Шевчук объяснил ему, что это на зиму корм лосям и косулям.

— Молодец, — похвалил его лесник. — Придётся тебя записывать в наш штат.

— В какой штат?

— Записывать в лесники. Хочешь стать лесником? — посмотрел он на мальчишку.

— Конечно, хочу.

— Юра, возьми Захара в лесники? — спросил Василий Алексеевич.

— Я уже тринадцать веников связал, — поспешил сообщить Захарка.

— Тогда надо взять, — улыбнулся Шевчук.

— Ну, на сегодня, пожалуй, хватит работать. — Лесник посмотрел на солнце. — Домой пора ехать.

День кончался. Солнце, огромное, как оранжевый шар, висело над вершинами дере-

вьев. В лесу заметно потемнело. Уставшие, они вышли на опушку, где дожидалась их телега.

— Ладно поработали, — удовлетворённо

сказал Василий Алексеевич.

— Хорошо, — согласился с ним Захарка.

Ай да ласка!

Забот у Юрия Николаевича много. И деляны отвести лесорубам, и проследить, чтобы рубили только отмеченные деревья, и чтобы хворост убрали за собой, и молодые деревца зря не погубили.

Часто Шевчуку приходилось клеймить деревья. Он выбирал старые или корявые, топором счищал с них кору и ставил молотком печать — клеймо. Это совсем не трудно, Захарка мог бы и сам заклеить дерево. Молотком — печатью стукнешь по дереву, и остаются две буквы ПР — «Порубка разрешена».

Во время этой работы почти каждый день у них бывали удивительные встречи с лесными жителями. То зайца встретят, то тетерева, лису или горностаю, барсука или лесного великана лося.

А однажды встретили ласку.

Захарка её руками поймал и поэтому запомнил на всю жизнь.

Ласка — удивительный зверь. Быстрый, смелый и, между прочим, кровожадный. Сама она очень маленькая, чуть больше мышки —

полёвки. Шкурка у неё мякотькая, нежная, с каштановым отливом, а брюшко беленькое, как манишка. Тело длинное, тонкое — в любую мышиную норку заберётся. Мышам от неё нет покоя, да и более крупной дичи при встрече не поздоровится.

В тот день Шевчук указывал делянку для колхозных строителей. Указав место порубки, Юрий Николаевич с Захаркой решили полакомиться ягодами. В Тёмном колке поспело много костяники. Эта ярко-красная ягода, кисловатая на вкус, хорошо утоляет жажду. День выдался знойный, а они, как назло, воды с собой взяли мало. Ходят и горстями ягоду в рот суют. С одной веточки целая горсть набирается. Ягода крупная, сочная. Любят её не только люди, но и птицы: тетерева, куропатки, рябчики, не прочь полакомиться и звери.

— Не могу больше есть — зубы болят, — наконец сказал Захарка, морщась от оскотины. — Буду в бидончик собирать. Маме повезу.

— Давай, — согласился Шевчук. — Потом пойдём смородины поедим. Должна ещё быть.

Только стали брать ягоду в бидон, как вдруг услышали странный шум и птичий крик. Где-то совсем рядом хлопала крыльями и кричала испуганно птица Захарка остановился, прислушиваясь.

— Вроде бы курица кричит?

— Откуда здесь курица? — улыбнулся Шевчук. — Бежим посмотрим.

Бросились на шум и увидели, как стремительно промелькнул среди деревьев ястреб — тетеревятник.

— Опоздали, — заволновался Захарка. — Унесёт птицу этот разбойник.

— Быстрее, — Шевчук схватил Захарку за руку, и через минуту они выбежали на поляну.

Недалеко от кустов увидели куропатку. Раскинув крылья, птица лежала неподвижно. Она уже не кричала, а ястреб, оставив свою жертву, взмыл вверх. Шевчук с Захаркой проводили его глазами.

Тетеревятник летел как-то странно. Он то почти вертикально взлетал вверх, то камнем падал вниз, а потом снова набирал высоту. Голова у хищника была неестественно боль-

шая, и шея толстая.

— Что это с ним? — удивлённо спросил Захарка.

Шевчук молчал, ничего не понимая. И вдруг хищник беспомощно замахал крыльями и стал падать. Упал он прямо к их ногам.

— Смотри! — закричал Захарка. — На шее у него мышь!

В тот же миг он упал на ястреба и накрыл его своим телом, стараясь рукой поймать юркого зверька. Вот зверёк у него в руке.

— Ой! Ой! — вдруг завопил Захарка и вскопчил на ноги. На пальце у него болтался маленький зверёк.

— Это же ласка! — Шевчук бросился Захарке на помощь, но поздно. Ласка отпрыгнула в сторону и... только они её и видели. Высокая трава надёжно укрыла маленького хищника. У Захарки из пальца капала кровь. Он зажимал рану левой рукой.

— Пусть кровь сойдёт, — посоветовал Захарке Юрий Николаевич. — Зубы у ласки острые, как иголки, ранка глубокая. Как бы заражения не было. Подожди, найду подорожник.

Юрий Николаевич быстро нашёл лист по-

дорожника и крепко забинтовал Захарке палец. Мальчик молча терпел. У их ног лежали серая куропатка и такой же серый с бежевыми пятнами ястреб-тетеревятник. Птицы были мертвы.

— Интересно, кто на кого напал? — спросил Шевчука Захарка. — Неужели ласка заступилась за куропатку?

— Нет, — Юрий Николаевич осмотрел птицу. — На молодую куропатку напала ласка. Тетеревятник, видно, заметил их борьбу и решил поживиться. Но смелый зверёк не захотел отдавать добычу и тут же напал на ястреба. И хотя тетеревятник поднял его в воздух, он дрался до победы.

— А какой маленький! Я думал — мышь. Ай да ласка! Ай да зверь! — восхищался Захарка.

На поляне было солнечно и тихо. Только из леса долетал громкий крик иволги, да с небесной выси лилась бесконечная песня жаворонка. Казалось, никому нет дела до трагического лесного происшествия, свидетелями которого стали Захарка и Шевчук.

Страшный зверь

Как-то в августе под вечер послала мать Захарку в погреб солёных огурцов достать. Захарка скор на ноги, схватил миску — и во двор. А на дворе остановился очарованный. Огромное солнце, будто праздничный красный шар, вот-вот земли коснётся. Бабушка в деннике корову доит, струйки молока о подойник дзинь-дзинь — звенят. Тугие струйки, много у Пеструшки молока. А рядом в старом чугушке дымокур дымится, чтобы комары Пеструшку не кусали. Высокий столб дыма поднялся к самому небу.

Постоял Захарка, закатом любясь. Потом вспомнил наказ матери — и шмыг к погребу. Нырнул вниз, в сырость и погребную темноту, и вдруг — гр-р-р-аув! — из самого тёмного угла! Захарка в один миг наверху оказался. Остановился, голову в люк опустил и видит в углу погреба, там, где бочка с огурцами и банки с компотами стоят, два зелёных огонька. И страшное рычание слышится.

Захарку будто ветром из погреба вымело.
— Бабушка! Иди сюда! Быстрее, быстрее!

— Ты кого это там испугался? — Бабушка как раз подоила Пеструшку, вымя ей тряпкой вытирала.

— В погребке кто-то сидит. Страшный, с зелёными глазами.

— Да ты чего мелешь-то, господь с тобой. Кто в погребке может быть? — подошла бабушка.

— Вон в том углу, — Захарка снова опустил голову в люк. — Сидит, глазищами сверкает — иди посмотри сама.

— Хватит чепуху-то молоть. Я вот сейчас хворостиной его! — Она спустилась на одну ступеньку, на другую и снова из темноты долетело: грр-р-аув!

Бабушка не так проворно, но всё же быстро выбралась наверх, еле отдышалась.

— Беги, Захарушка, своего приятеля лесника позови. И правда, непонятный зверь в погреб забрался.

Прибежал Захарка к Шевчуку, запыхался.

— Что случилось? — встревожился Юрий Николаевич.

— Зверь в погреб забрался. Страшный. Ворчит, зубами щёлкает. А глазищи огромные,

зелёными огоньками так и сверкают. В углу за бочками сидит.

— Ну-ну, — поднялся Шевчук. — Пойдём посмотрим, что там за зверь такой.

— Ты ружьё, ружьё возьми. Наверное, волк.

— Ничего, обойдёмся фонариком. — Шевчук достал карманный электрический фонарь. — Идём, чего остановился?

— Загрызёт. Волки хитрые. Как схватит за ногу!

— Идём, показывай своего зверя, — сказал Шевчук и направился к Зотовым.

У погреба уже собрались люди — бабушка, Захаркина мать Людмила Петровна, соседи. Ждут Захарку и Юрия Николаевича. Из погреба высокая деревянная лестница выглядывает, рядом в загородке гуси взволнованно гогочут.

— Вы что не закрываете люк погреба? — спросил Шевчук у бабушки.

— Дедушка открыл, чтобы погреб просох и проветрился, — сказал Захарка.

— Сейчас посмотрим, что за зверь туда свалился. — Шевчук включил фонарь и полез в

погреб. Тихо. Захарка тоже подошёл к лестнице.

И вдруг из погреба: гр-р-р-нав!

«Собака», — подумал Шевчук и быстро обвёл углы лучом фонарика. В углу он увидел остренькую мордочку с чёрным носиком. На него настороженно, испуганно смотрели два горящих глаза.

— Лисичка! Здорово, кумушка! Как же ты ухитрилась в погреб попасть? За сметаной пришла? — Они стояли и смотрели друг на друга. Лиса прижалась к земле, попятилась подальше в тень, оскалила острые зубки и заворчала.

— За цыплятами она приходила, а скорее всего — за гусями. Курятник-то рядом. Видно, ночью ямы и не заметила. — Бабушка Вера заглянула сверху в погреб. — Шапка-то из неё получится?

— Шапки не получится, — сказал Шевчук, разглядывая пленницу. Лиса скалила зубы, стараясь напугать людей. — Какая-то она очень маленькая.

— Да это же лисёнок! — обрадовался Захарка.

— Видно, впервые на самостоятельную охоту вышла, вот и свалилась. — Шевчук подошёл к лисе ближе. Она проворно юркнула за бочки.

— Людмила Петровна, принесите одеяло или фуфайку и мешок. Будем ловить, — крикнул Шевчук Захаркиной матери.

Принесли одеяло. Шевчук набросил его на лису, она заворчала, защёлкала зубами, но толстое одеяло прокусить не могла.

— Что с ней будем делать? — спросил Шевчук Захарку, когда они выбрались наверх. — Твоя добыча, тебе и решать её судьбу.

— А если оставить и приручить? — вопрошительно смотрел Захарка то на бабушку, то на мать. — Она бы у меня вместо собаки жила.

— Не получится из неё собаки, — сказал Шевчук. — Приручить, конечно, можно. Молодая ещё, но хлопот с ней много будет, плохо они привыкают к неволе. Загубишь только.

— Надо выпустить, — сказала Людмила Петровна. — Нечего зверя мучить.

Шевчук посмотрел на Захарку. Мальчику жалко было расставаться со зверем. Ни у кого

в деревне такого зверя не было. Глаза у Захарки горели, через мешок он гладил лису.

— Её надо кормить только мясом, — предупредил Шевчук.

— Ладно, — согласился наконец Захарка и сокрушенно вздохнул: очень уж хотелось иметь лису. — Давай выпустим.

Они отправились за огород в лес. Солнце уже закатилось, в лесу стоял полумрак. На опушке остановились, положили мешок на землю, отошли в сторону. Лиса сидела тихонько, будто и не было её в мешке. Потом осторожно показался из мешка чёрный нос, голова. Огляделась вокруг — и шмыг в кусты. Только рыжий хвост мелькнул.

— Не попадайся больше! — крикнул Захарка ей вслед.

Качели

Младшая сестра Людмилы Петровны Наденька выросла в семье Зотовых. А когда

вышла замуж, колхоз построил молодым новый дом. Хороший дом: три комнаты, кухня, веранда, кладовки. Наденька ходила счастливая и все радовались её счастью.

Новый дом стоял на краю деревни у небольшого берёзового колка — дальше шла целина и заливной луг. Виктор — муж Наденьки — сразу же принялся благоустраивать своё жильё: вечерами стругал, пилил, рубил на зиму дрова. Захарка часто крутился возле него, помогал: то поднесёт гвозди, то поддержит доски.

Как-то в конце августа Шевчук зашёл к Зотовым и встретил Наденьку. Он поздоровался и спросил:

— Как на новом месте?

— Знаете, и сказать затрудняюсь, — ответила Наденька и замолчала.

— Что такое?

— Сказать — не поверите. — Наденька грустно улыбнулась. — Получается, как в той сказке. Помните, о солдате и нечистой силе? Видно, на плохом месте построили наш дом. Сначала будто хорошо было, а вот уже три дня спать не могу. Как лягу, так в стенку —

тук-тук: стучит кто-то. Даже жуть берёт. Ведь рядом в лесу кладбище.

— После двенадцати ночи стучат? — улыбнулся Шевчук, подмигивая Захарке.

— Не смейтесь! Ночами спать не могу. Пришла вот звать Захарку или бабушку, чтобы ночевали со мной.

— Интересно. А что же муж ваш, Виктор? Он тоже боится? — спросил Шевчук и опять лукаво посмотрел на Захарку.

— Витя ночами на комбайне, хлеб убирает. Днует и ночует в поле. Если не верите — сами приходите послушайте. — Наденька поглядела на Захарку. — Вот с Захаркой вместе, — добавила она.

— Если Захарка согласен, так и быть, переночуем в вашем доме. Всех чертей выгоним! — Шевчук подмигнул Захарке. — Как ты думаешь, Захар?

— Согласен, — кивнул Захарка.

Дал слово — держи. Вспомнил Шевчук о своём обещании только вечером, когда к нему забежал Захарка.

— Идём выгонять нечистую силу? — спросил он Юрия Николаевича.

— Да надо бы.

Шевчук взял электрический фонарь, и они вышли на улицу. Было уже темно, только на западе полоской светился след ушедшего дня.

Если при разговоре с Наденькой Шевчук не придавал особого значения странному стуку, то теперь задумался. Что за фантастический стук раздаётся в её доме по ночам? Он много раз слышал о разных проделках строителей и печников, которые шутки ради или со злым умыслом устраивали какие-нибудь каверзы. Например, если где-то под полом поместить пустую бутылку, то она при ветре начинает гудеть, свистеть, грохотать, как морской прибой. А если на чердаке, допустим, привязать на верёвке обрубок дерева, то очень даже может получиться равномерное постукивание: тук-тук, тук-тук. Но кому это надо?

Наденька, конечно, обрадовалась их приходу. Предложила чаю с печеньем, а потом постелила постель.

— Вот ложитесь на диван и ждите. Как начнёт стучать, тогда уж и причину ищите, — сказала она.

— А раньше, когда Виктор дома ночевал,

стучало? — поинтересовался Шевчук.

— Не слышали. Ничего подобного не было.

Не раздеваясь, они с Захаркой устроились на диване. Наденька потушила свет и тоже легла в своей комнате. На улице и в доме было тихо. Шевчуку казалось, — ничто не может нарушить эту спокойную тишину. Взошла луна, круглая и такая светлая, что в комнате, пожалуй, при желании можно было читать книгу. Они долго не спали. Потом под боком у Юрия Николаевича засопел Захарка. Наконец он тоже задремал. И вдруг толчок в плечо.

— Слышите? — раздался испуганный шёпот Наденьки.

— Что? — спросонья Шевчук ничего не мог понять.

— Слышите?!

Тук-тук! — раздалось где-то слева. Да так ясно и громко, что проснулся и Захарка.

Все замерли. Лежали тихо-тихо. И снова — тук-тук. Будто кто-то палкой о стену колотил.

Шевчук схватил фонарь и выбежал в сени. Следом за ним выскочил и Захарка. Вместе они внимательно осмотрели чердак, погреб, веранду — никого. Прекратился и стук. Толь-

ко легли, снова — тук-тук!

— Что за наваждение! — рассердился Шевчук, схватил фонарь и выбежал на улицу. — Не покойники же, в самом деле, шутки шутят.

На улице было светло, огромная луна повисла высоко над тёмным лесом. Обошли с Захаркой вокруг дома, осмотрели всё: никого нет. Остановились на углу веранды. Захарка поёживался от ночной прохлады.

— Но кто-то же стучал, — сказал Шевчук, осматривая длинную доску. Она лежала на бревне нижнего венца рубленой веранды. Все концы брёвен Виктор аккуратно спилил, а нижние два для чего-то оставил. Видимо, хотел сделать лавочку. Бревно лежало на фундаменте и торчало из угла.

— Это мы с Дюшей качели сделали, — сказал Захарка. — Он на один край доски садится, а я на другой. Хорошо получается.

Теперь один конец доски упирался в землю, а другой поднимался над землёй почти на метр. Стоило Шевчуку чуть — чуть толкнуть поднятый конец, как он опустился вниз, ударился о землю, и раздалось — тук-тук. Потом доска снова приняла первоначальное поло-

жение.

— Ты понял? — спросил Захарку Шевчук. — Вот, оказывается, где «нечистая сила» сидит. — Он снова толкнул конец доски и опять — тук-тук.

— Но кто же качается на наших качелях? — недоумевал Захарка.

— А давай выясним. Посидим и посмотрим.

Они затаились за поленницей и стали наблюдать. Луна по-прежнему заливала светом двор, поблескивала на оконных стёклах. Тихо вокруг, ни единого звука. Только где-то у магазина лаяла собака.

— Мужчины, где вы? — вдруг послышался голос Наденьки. Она вышла на крыльцо и оглядывалась. — Мне одной боязно.

— Здесь мы. Иди к нам, — шёпотом позвал её Захарка.

Наденька тихо подошла и устроилась возле Захарки.

— Не дыши. Сиди спокойно, — приказал ей Захарка.

Сидят, ждут. Доска лежит на бревне и никто к ней не подходит. «Возможно, ветром её

качает», — подумал Шевчук. Но сейчас даже слабого ветерка не было.

— Смотрите, — толкнул вдруг Захарка Шевчука, — хорьки.

— По-моему, горностаи.

— Молодые, детеныши с матерью, — зашептала Наденька.

— Тихо, — толкнул и её Захарка.

Их было пять штук. Они выскочили из кустов бурьяна и напрямик к доске. Вскочили на неё и побежали по наклонной вверх. Доска вдруг пошла вниз. Но не успела она удариться о землю, как зверьки соскочили и, будто наперегонки, помчались снова к наклонённому концу: тук-тук. И снова — тук-тук.

— Ишь, качели устроили. Им игра, а я чуть из дома не ушла, — сказала Наденька, поднимаясь.

— Посидим ещё, посмотрим, — попросил Захарка. Ему хотелось понаблюдать за игрой горностаев.

— Дети, им и хочется поиграть. Где-то, видно, живут недалеко. А к вам прибегают покачаться на качелях, — сказал Шевчук.

Зверьков уже не было. Доска по-прежнему

спокойно лежала на бревне, один конец её упирался в землю, а другой торчал вверх.

— Идёмте спать, — сказала Наденька и сбросила доску на землю. — Сегодня хоть высплюсь спокойно.

День невезения

Так назвал этот день Захарка. День хоть и был воскресный, но оказался серым и тусклым. Налетал холодный ветер, иногда срывался мелкий противный дождь. А по небу метались тяжёлые тёмные тучи. Одним словом, стоял скучный осенний день.

С утра Шевчук клеймил деревья на дрова, а теперь они вдвоём возвращались на телеге домой. Весь день Захарка ходил следом за Юрием Николаевичем, помогал ему искать самые старые и корявые деревья. Шевчук подходил к дереву, стёсывал щепу и ставил свою печать «ПР».

Остановились на берегу реки: решили до темноты порыбачить. Груню стреножили, отпустили пастись, а сами пошли к воде. Забросили удочки, но клёв был слабый. Клюнет один окунь — и опять ничего. Тогда-то и сказал Захарка, тяжело вздохнув:

— День невезения.

— Не горюй, Захар, — успокоил его Юрий Николаевич. — После невезения и удача будет.

Но удачи не было. Посидев на одном месте, они брали удочки и шагов через тридцать забрасывали их снова. Только рыба всё равно не хотела ловиться.

И вот, переходя на новое место, Захарка увидел его. В зарослях камыша, которые мыском вдавались в речку, на куче мусора он заметил зверя.

— Смотри, тут какой-то мёртвый зверь лежит! — крикнул он Шевчуку.

Юрий Николаевич подошёл к Захарке и тоже увидел зверя. Тот лежал неподвижно, свернувшись клубком и прикрыв голову хвостом.

— Это корсак — небольшая степная лисица, — сказал Шевчук, — Они обычно живут в казахских степях, но часто забегают и в Сибирь. — Шевчук нагнулся, чтобы оттащить зверя в сторону, как вдруг тот оскалил зубы и заворчал.

— Живой? — обрадовался Захарка. — Чудеса в решете!

— Видно, охотники подстрелили, а найти не смогли. — На боку корсака виднелись зализанные раны. — Совсем плох зверь.

— Бедненький корсакушко! — Захарка нагнулся и погладил пушистый хвост. — Как же ты сюда забрался?

— Поближе к воде пришёл. Жажда его, видно, мучит, — сказал Шевчук и внимательно осмотрел корсака. — Ещё молодой, но смотри, летняя шерсть вся вылиняла.

— Голодный, наверное. — Захарка сбегал к ведру и принёс небольшого окунька. — На, съешь, потом я тебе водички принесу.

Зверь тут же съел окуня и уставился голодными глазами на Захарку. Бока его вздрагивали, а глаза по-прежнему смотрели внимательно и настороженно.

— Ещё хочешь? — Захарка притащил ещё двух окуней, и корсак тут же проглотил рыбу. Пришлось скормить ему с полдюжины рыбин. И хотя зверь всё ещё смотрел на мальчишку жадными глазами, Шевчук запретил дальше кормить его.

— Хватит. Может, он здесь давно лежит голодный, сразу много кормить нельзя.

— Я ему водички принесу. — Захарка быстро освободил из-под червей банку, ополоснул её в реке и принёс воды.

Корсак жадно лакал воду, а они стояли и наблюдали за ним. Зверя, видно, давно мучила жажда.

— Бедненькая лисичка, — говорил Захарка. — Пить захотела? Ну, пей, пей, я ещё принесу.

Между тем наступали сумерки. До деревни было километров пять, и Шевчук заторопился. Да и мокрый снежок вдруг повалил так густо, что залеплял глаза.

Надо было как-то решить судьбу раненого корсака.

— Возьмём его с собой? — спросил Захарка у Юрия Николаевича. — Дома его вылечим, и будет он жить у меня.

— На воле корсак поправится быстрее. — Шевчук не хотел мучить больного зверька. Да и жизнь дикого зверя в неволе сложна. Поэтому он решительно возразил Захарке: — Корсак отлично закусил, напился воды, значит, дело идёт на поправку. А завтра мы снова сюда приедем, покормим и полечим раны. Идёт?

На берегу было большое пшеничное поле. Хлеб давно убрали, но копны соломы всё ещё

оставались на полосе. Захарка сбегал и принёс охапку.

— Чтобы ему было теплей, — сказал он и прикрыл соломой корсака.

— Правильно, — одобрил Шевчук поступок Захарки. — Никто его под соломой и не заметит.

Они принесли ещё по охапке соломы, закрыли корсака всего, оставив только небольшое отверстие, чтобы зверю легче дышалось.

— Поправляйся, дружок. Мы завтра к тебе ещё приедем, — говорил Захарка.

Домой они вернулись уже потемну. Всю дорогу Захарка только и говорил о корсаке. Он выпрашивал у друга, чем можно кормить зверя, чем смазать раны, чтобы быстрее зажили. А утром чуть свет прибежал к Шевчуку с продуктами.

— Это я ему еды захватил и сорвал три листа алоэ, — объяснил он.

— Наверное, всю ночь не спал?

— Как ты угадал? — удивился Захарка. — Во сне даже видел. Хороший сон, будто корсак стал моим другом и везде бегает со мной, лает по-собачьи и слушает меня, — рассказывал

Захарка.

Не доезжая до берега, Захарка соскочил с телеги и бросился напрямик к копне соломы. Корсак лежал на прежнем месте. Захарка отвалил солому и погладил зверя по спине. Корсак вначале заворчал, но скоро успокоился. Глаза его заметно повеселели. Он даже пытался встать на ноги, но не смог. Лежал и доверчиво смотрел на людей.

— Вот я тебе хлеба привёз и яйца варёные, — говорил Захарка, выкладывая из сумки продукты. Корсак ел охотно, но не жадно. Воды пил много. Шевчук с Захаркой осмотрели раны, присыпали их стрептоцидом и смазали соком алоэ. Когда уезжали, снова привалили соломой.

Ещё три раза они приезжали к корсаку. Ловили рыбу и скармливали её зверю. Рыбу корсак особенно любил. Он заметно поправлялся, но был ещё слаб. А когда на восьмой день, в воскресенье, они приехали снова, зверя в соломе не оказалось.

— Ушёл в лес, — сказал Шевчук. — Поправился и ушёл.

— А может, его охотники нашли, — Захар-

ка чуть не плакал. — Надо было его в деревню увезти.

— Мы же его спрятали, — успокоил мальчишку Шевчук. Но и сам Юрий Николаевич не был уверен, что корсак ушёл. Конечно, его могли найти охотники, случайные рыбаки или собаки.

Проехав с километр к деревне, они спустились к воде и забросили удочки.

— Взял бы и пришёл, — вздыхал Захарка. — Я бы ему рыбки дал, хлеба.

Но корсак не появлялся.

Стоял удивительный тёплый день, один из дней бабьего лета. Шевчук с Захаркой рыбачили почти до заката солнца, а когда стали запрягать лошадь, Захарка вдруг увидел корсака. Откуда он появился, они не видели. Наверное, пришёл из прибрежных кустов. Корсак сидел на задних лапах в десяти шагах от телеги и внимательно следил за каждым их движением.

— Корсакушко, дружок, здравствуй! Откуда ты взялся? — обрадовался Захарка. — Живой? — бросился он к зверю.

Тот попятился, но не ушёл. Захарка вер-

нулся, взял несколько рыбёшек и кусок хлеба.

— Ешь, ешь! Не бойся. Мы тебя в обиду никому не дадим, — суетился Захарка, подсовывая корсаку то рыбу, то хлеб.

Ещё несколько раз, проезжая возле речки, они встречали корсака. Осторожно он выходил к ним из леса или из зарослей бурьяна. Корсак полностью выздоровел, окреп, но, видимо, помнил и ждал их. Помнили и они его. У Захарки всегда были про запас лакомые косточки или рыба.

— Здравствуй, корсакушко! — приветствовал его Захарка, оставляя ему сверток с угощением, и вспоминал тот невезучий день, когда они впервые встретили раненого зверя.

Жизнь всему научит

Это тоже произошло далеко от деревни, на речке.

Шевчук с Захаркой в тот день объездили много лесных дорог и троп. Их старая Груня так устала, что еле-еле семенила ногами.

День клонился к вечеру, и они распрягли лошадь — пусть отдохнёт и попасётся. Решили посидеть на берегу, порыбачить. Место нашли самое подходящее. В речку впадал ручей, широкий, с крутыми берегами. Весной ручей бывает бурный, многоводный, а теперь, заболоченный, заросший камышом и травой, течёт спокойно. В реке, при впадении в неё ручьёв, всегда водятся и полосатые красноперые окуни, и хитрые ленивые язи, и даже прожорливые и быстрые судаки.

Вот у этого ручья они и остановились. Сзади, вдоль реки, тянулось убранный пшеничное поле, а чуть в стороне стояли заболоченные колки с осинкой и берёзой, с болотными кочками и с кустами смородины и шиповника. Совсем отдалённое и глухое место.

Размотали удочки, забросили и стали

ждать клёва.

Первым поймал краснопёрого горбача Захарка. Потом клюнуло у Шевчука — тут «и пошло и поехало». Видно, подошла большая окупёвая стая, и рыбаки едва успевали насаживать на крючки червей и вытаскивать полосатых хищников. Скоро садок был почти полон, но и рыба стала клевать реже.

Неожиданно где-то слева в лесу раздался выстрел, потом второй. Захарка вопросительно посмотрел на Шевчука.

— Осень. Охота разрешена, вот и гоняют охотники зайцев, — сказал Юрий Николаевич.

Захарка прислушался. Сначала далеко, а потом приближаясь, раздался собачий лай. Собака гнала зайца. Голос её то усиливался, то умолкал, потом слышалось нетерпеливое повизгивание.

Вообще-то в Трошине охотничьих собак не было, только беспородные дворняжки. Но недавно из города зоотехник Семёнов привёз собаку. Эта была крупная чёрно — пёстрая сибирская лайка. Видно, он и промышлял с ней зайцев.

Собачий лай стал стремительно приближаться к рыбакам. А потом сбоку, в ручье, вдруг сильно булькнуло, будто с берега кто-то камень бросил. Рыбаки разом оглянулись и увидели, как из густой травы выпрыгнул на другой берег ручья весь мокрый и почти серый заяц-беляк. Он на миг остановился, стряхнул с себя воду и не спеша поскакал в ближние заросли тальника.

Шевчук с Захаркой ещё не пришли в себя, как послышалось сиплое дыхание и на берег выскочила Кукла — собака зоотехника. Лайка остановилась у ручья и засуетилась растерянно.

— Потеряла? — засмеялся Захарка. — Зайчик тю-тю, убежал.

Кукла на голос Захарки виновато вильнула хвостом и гавкнула.

— Ищи, ищи, — подбодрил её Захарка.

Собака забралась в ручей, шныряла там в зарослях травы, булькала, но скоро выбралась на берег.

— Проворонила? — спросил лайку Захарка.

На берегу появился и Семёнов. В руках он держал двуствольное ружьё, на поясе был па-

тронташ с патронами. Семёнов поздоровался с рыбаками и спросил:

— Ну, как? Ловится?

Они ещё не успели ответить, как зоотехник увидел свою собаку.

— Опять ушёл? — спросил он Куклу.

Кукла, виновато виляя хвостом, подошла к хозяину. Зоотехник погладил её и сел на берегу.

— Знаете, вот уже третий раз на этом самом месте уходит от меня косой, — стал рассказывать он рыбакам. — Только сегодня два раза стрелял в него. А он как заколдованный. До этого ручья дойдёт — и будто в воду ныряет.

Шевчук заметил, что Захарка подаёт ему какие-то знаки. То головой повертит из стороны в сторону, то состроит странную рожицу. Наконец он понял, что Захарка просит его не говорить о зайце. Потом Захарка подошёл к собаке, погладил её и дал ей небольшого окунька.

— Хорошая собачка, хорошая, — приговаривал он.

— Хорошая, а лопаухий дурит её почём

зря, — сказал зоотехник. — И главное, из-под выстрела уходит. Будто дробь его не берёт.

— Мудрый, выходит, заяц, — сказал Шевчук, — Издалека стреляете?

— Да разве он близко подпустит? На сто шагов к нему не подойдёшь.

— Зачем же палите в белый свет, как в копейку? — спросил Шевчук.

— А вдруг зацеплю. Третий раз гоняю, а он уходит. Может, короткохвостый через ручей на ту сторону переплывает? — недоумевал зоотехник.

Недели две назад Захарка переходил ручей по бревну. И опять Шевчук заметил взгляд Захарки. Он снова умолял его не говорить Семёнову про бревно. Длинное и толстое, оно лежало поперёк ручья в траве и грязи в пяти шагах от рыбаков. Про бревно мало кто знал.

— Плохой вы охотник, — вдруг сказал зоотехнику Юрий Николаевич. — «Вдруг зацеплю». А если раните, будет болеть зверь, погибнет? Об этом не думаете? Дичи в лесу совсем мало осталось, а вы пуляете.

— Мораль будете читать? — вспыхнул зоотехник. Он встал и молча направился в сторо-

ну деревни. Кукла постояла, поглядела на рыбаков и побежала за хозяином.

— Даже не попрощался, — сказал Захарка, когда Семёнов ушёл. — Хорошо ты его поддел.

— Таких учить надо, — сказал Шевчук. — Не понравились мои замечания! В следующий раз и ружьё заберём.

— А вдруг заяц сидит ещё за тем кустом? — спросил Захарка Шевчука и направился к бревну.

— Не ходи зря. Чтобы в пятнадцати шагах от людей, от собаки остался? Надо, знаешь, каким зверем быть? Львом или тигром. А это заяц, простой заяц-беляк. Недаром же люди трусливых зайцами зовут.

Но Захарка не послушался Шевчука. Он осторожно и тихо перебрался через ручей.

— Вернись! — крикнул ему Шевчук и вдруг увидел, как из куста выскочил огромный заяц. Он легко и быстро пересёк открытое место и скрылся в лесу.

— А ты говорил! — Захарка, довольный, вернулся обратно. — Я сразу догадался, что он в кустах прячется. Сидит, слушает зоотехника и радуется, что перехитрил и его, и Куклу. А

может, даже посмеялся над ним. Бывает такое?

Шевчук с Захаркой спорить не стал, сказал только:

— Всякое бывает, так что радоваться зайцу нечего. А беляк действительно смелый попался. Хотя жизнь всему научит.

— А этого чему научила?

— Хитрости и смелости. Зоотехник три раза его гонял, вот заяц и стал мудрым.

Осенний день короток. Солнце уже завалилось за дальний лес, серые сумерки поползли по кустам и ложбинам. Они запрягли Груню и отправились в деревню. Добрались до дома уже потемну. Разговоров и воспоминаний хватило на всю дорогу. Особенно радовался Захарка, что заяц спасся. Мудрый и смелый попался косой.

Плакунчики

Зима настала суровая. Морозы стояли трескучие. Захарка сидел дома.

Скучно одному. В комнате тепло, светло, а на улице почему-то холодище. Ну, что за жизнь такая? Ни ты ни к кому, ни к тебе никто. Когда эти морозы кончатся?

— Что ты всё нудишься, ходишь из угла в угол, — сказала Захарке бабушка. — Поиграл бы с котом или сказки почитал.

— Я только на полчаса, три раза с горки скачусь — и домой. Пусти на улицу! — пристал он к бабушке.

— Хочешь обморозиться? Все школьники сидят дома, а тебе на полчаса. Вон и радио передаёт: мороз сорок пять градусов.

— Не все школьники сидят дома, а только до пятого класса, — поправил внук бабушку.

— Смотри-ка, пятиклассник нашёлся. Сначала второй закончи.

Как ни упрашивал Захарка бабушку, уговорить не мог. А дедушка Прохор сидел и помалкивал.

— Не вздыхай, не пуцу, — непреклонно

сказала бабушка.

Дедушка ушёл поить корову. А когда вернулся, снимая шубу, вдруг сказал Захарке:

— Ну, паря, сидишь дома и не знаешь, что к нам во двор прилетела огромная стая плакунчиков.

— Каких плакунчиков? — Захарка подскочил к деду, обхватил его руками, но тут же и отпустил. Дедушкина шуба была такая холодная, что у Захарки сразу замёрзли руки.

— Красивые плакунчики. — Дедушка снял шерстяной шарф, вытер им глаза и лицо. Лицо у него от тепла стало мокрое, будто только что умылся. — Так и порхают по штaketнику, попискивают. Да такие нарядные!

Захарка быстро надел валенки, пальто и шапку: собрался посмотреть плакунчиков. Хотел уже бежать, но остановился и вопросительно взглянул на бабушку.

— Не ходи, Захарка, — сказала она. — Смеётся дед. А тебе, старый, пора бы уже остепениться. Выдумывает, ребёнка совращает. Он мне и так покою не даёт.

— Чего это я совращаю? Сходи сама посмотри. Такие нарядные, красивые. Так и пор-

хают, так и порхают. Дате я, на что старый да закалённый, а и то поймал, — Дед сел на табурет и начал тереть руки.

— Покати, дедуля! — пристал к нему Захарка.

— Отпустил я их. Они тепла боятся, не хотят в тепло идти.

— Не ходи, Захарка, — снова сказала бабушка. — Выдумывает всё дед.

— Пусть сбегает, посмотрит. Мотет, хоть одного поймает, — хитровато подмигнул Захарке дед. — Сбегай!

Захарка не стал ждать, пока бабушка остановит его, выскочил на улицу. Стал на крыльце, озирается, но ни одного плакунчика не увидел. «Улетели», — чуть не заплакал с досады.

На улице было пустынно и холодно. Густой туман окутал избы и деревья. Провода, ветки берёз, штакетник — всё покрылось толстым слоем инея. Солнце, большое и еле заметное, висело низко, и Захарке показалось, что оно лежит на крыше сарая.

«Куда они могли улететь?» Захарка соскочил с крыльца, обошёл двор, заглянул в ого-

род — нет плакунчиков. Залез по сугробу на крышу сарая, снова всё осмотрел, но плакунчиков не увидел.

«Хоть бы одного найти!» Он прыгнул с крыши и увяз в сугробе. Снег сыпучий, будто песок сахарный, но такой холоднющий, что у Захарки в один миг руки окоченели, будто иголками кто стал колоть. Дохнул слабый ветерок — нос и щёки враз одеревенели. Пока он выбрался из сугроба, их защипало так больно, что Захарка прикрыл лицо руками.

«Ух, холодище», — припустил Захарка домой. Вскочил в избу, трёт руками щёки, побрякивает, но молчит. Только искоса поглядывает на деда.

— Ну что, поймал плакунчика? — улыбается дед.

— Ни одного, — покачал головой Захарка.

— Ну, а хоть видел?

— Помолчи, старый, не видишь, что малец, бедный, чуть не плачет. Давай, Захарка, я тебе руки и щёки гусиным жиром смажу, — обняла внука бабушка.

— А ты не балуй парня, — сказал дедушка, а потом снова спросил Захарку: — Так что

молчишь? Видел плакунчиков?

— Нее-ет ни-ка-а-ких плакунчи-иков! — Захарка протянул бабушке руки: — Смажь быстрее жиром.

Вечером, когда мама пришла с работы, Захарка тихо спросил у неё:

— Мама, а какие такие плакунчики?

Мама, обнимая сына, улыбнулась и сказала:

— Когда человек плачет, про него говорят, что он поймал плакунчика. А ты что, плакал?

— Почти нет. Дедушка посылал меня во двор ловить плакунчиков. Но я не поймал ни одного, — сказал Захарка.

Ещё пять дней стояли лютые морозы. Захарка сидел дома, играл с котом Вавилой, читал сказки, но на улицу больше не просился.

Рыбьи форточки

Ипполит Брагин — племянник бабушке Верре. Брагины жили рядом с Зотовыми, поэтому Захарка иногда ходил с бабушкой Верой в гости к родственникам. Екатерина Семёновна — жена дяди Ипполита — всегда угощала их чаем с мёдом, а конфет давала сколько съешь.

Она, вздыхая, часто говорила Захарке:

— Любит тебя Ипполит. Может, поживёшь у нас с недельку?

Захарке было жаль тётю Катю, — не было у неё детей, — но оставаться у Брагиных не хотелось.

— Не могу. Маме без меня скучно будет, — говорил он.

Дядя Ипполит был и охотником, и рыбаком. Иногда летом подъезжал на своём «Урале» к калитке Зотовых. Мотоцикл громко стрелял вонючим дымом, от чего куры Зотовых разбегались по двору.

— Эй, Парашютист, ты дома? На рыбалку поедешь? — громко кричал Ипполит.

Захарка, как правило, отказывался.

Так они и жили бок о бок.

Как-то на зимних каникулах Захарка стал замечать, что дядя Ипполит рано утром или даже ночью уходит с санками куда-то на речку. Не кататься же с горки он ходит. А однажды увидел Захарка, как дядя Ипполит тащит санки, гружённые камышом. Разгрузил часть, оглянулся вокруг и, убедившись, что никто его не видит, выволок из-под оставшегося камыша какие-то мешки. Тяжёлые, будто чурками набитые.

«Что он возит? — гадал Захарка и не находил ответа. — Может, рыбу на реке ловит?»

Подозрения у него возросли, когда бабушка Вера принесла от Брагиных свежемороженовых чебаков.

«Как можно поймать зимой столько рыбы? — думал Захарка. — Да и зачем ему столько? Схожу сам к ним».

— Что ты, Парашютист, какая теперь рыба? — засмеялся Ипполит, когда Захарка стал его расспрашивать. — Знаешь, какой теперь лёд? Больше метра долбить надо. Я на рыбалку уже три месяца не ходил. Забыл, как и рыба ловится. Но ничего, вот лёд растает, я те-

бя на речку свожу, щук поедем ловить. По-
едешь?

— А бабушка Вера... — начал было Захарка,
но дядя его перебил:

— Что бабушка? Екатерина из ларька при-
несла и поделилась с ней.

Захарка хотел ещё спросить Ипполита, ку-
да тот ездит по утрам и что возит в мешках,
но постеснялся. Дядя явно уходил от разгово-
ра.

— С лесниками всё дружишь? — спросил
он.

— Хожу к Юрию Николаевичу, — сказал
Захарка, а сам подумал: «Сам узнаю, куда он
ездит».

...Ветер обжигал лицо, трепал клапаны
ушанки. Скрипел под лыжами снег — жжик,
жжик. Всюду ослепительно чистый снег. Бе-
жит Захарка по снежной целине, щурит гла-
за. Рядом тянется санный след дяди Ипполи-
та. Всё дальше и дальше уводит Захарку от до-
ма. Иногда мальчик останавливается, осмат-
ривается, и снова — жжик, жжик — скрипит
под лыжами снег.

«Всё равно секрет его раскрою. Узнаю, куда

он ходит», — думает Захарка.

Следы завели Захарку в камыш. Он знает это озеро. Почти на целый километр раскинулось оно. В камышах сугробы, а на плёсах ровный и чистый слой снега. Тихо на озере. Весной камыши наполнятся криком уток, забухает камышовый бугай-выпь. А теперь один только ветер дребезжит в запутанных и сломанных стеблях камыша.

А санный след ведёт всё дальше и дальше. Идёт Захарка по следу, всё чаще останавливается, рассматривает то следы горносталя, то похожие на двоеточия следы мышей. Встречаются здесь и размашистые вмятины, оставленные зайцем-беляком.

Страшно вдруг стало Захарке. Осенью он с ребятами забегал сюда на коньках. На тихих плёсах, как на катке, лёд ровный и гладкий. Но теперь Захарка совсем один. Заросли камыша здесь особенно высокие и густые. Медленно идёт Захарка, оглядывается, прислушивается.

Неожиданно озеро кончилось, опять пошёл заснеженный луг. А следы уже ведут дальше, к реке. Знает и эти места Захарка. Ле-

том они с Юрием Николаевичем несколько раз здесь проезжали.

И вдруг Захарка услышал незнакомый и странный крик.

Кто это? Захарка вздрогнул и остановился. Постоял минуту, другую, прислушиваясь. «На реке», — решил он. Два чувства боролись в нём — любопытство и страх. Любопытство, наконец, победило. Он сделал один шаг вперёд, другой, десятый...

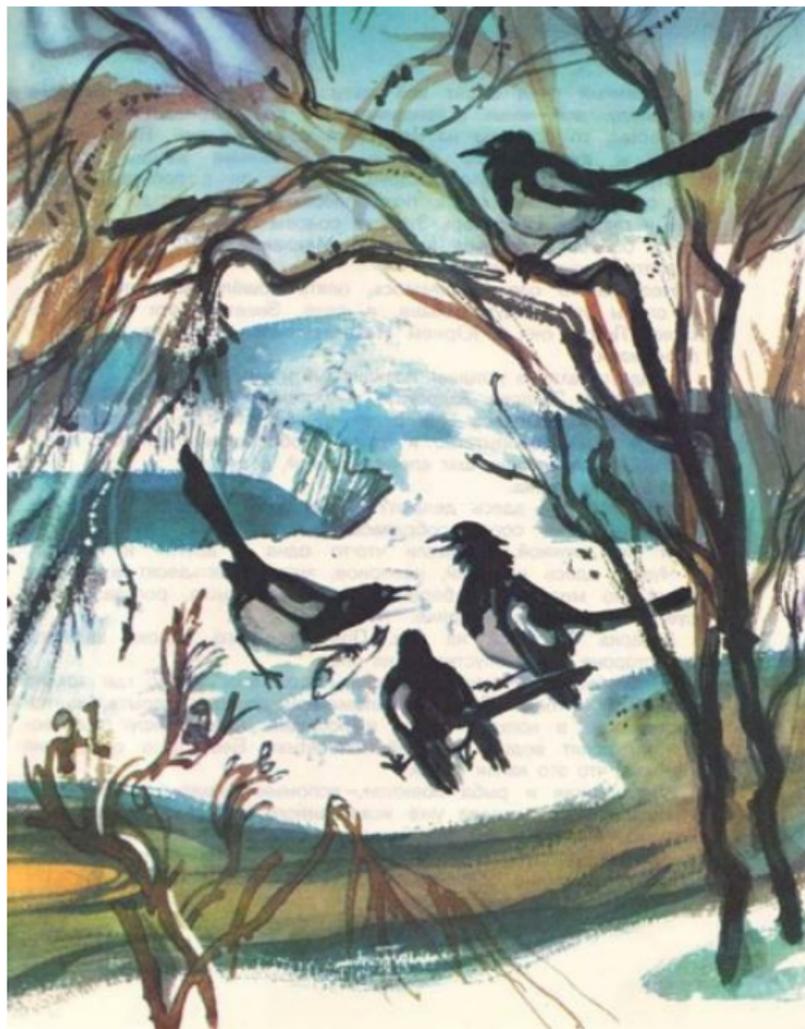
И вот она — река.

«Что это они здесь делают?» Захарка остановился на берегу. Огромная стая сорок собралась на льду реки. Птицы бегали друг за дружкой, отнимали что-то одна у другой и кричали.

Чулым здесь широкий, наверное, метров пятьдесят в ширину будет, но мелкий. По берегам заросли камыша, рогоза. Птицы суетились почти на середине.

Захарка спустился на лёд. При виде его сороки взлетели и в стороне снова опустились на снег.

«Прорубь! Ещё одна!» — Захарка подошёл к месту, где только что сидели птицы. Прору-

би напоминали длинные корыта, из которых поят в колхозе коров и лошадей. Снег вокруг был истоптан, облит водой и в жёлтых пятнах. Без труда определил Захарка, что это кап-

ли крови.

«Забыл, как и рыба ловится», — вспомнил Захарка слова дяди Ипполита, когда увидел уже исклёванного, примёрзшего ко льду окунька. — Плут же ты, Ипполитушка. Обманщик». Мальчик стоял у кромки проруби и обида росла у него в душе на дядю. «Почему он меня обманывал? Зачем мешки в камыш прятал?»

Захарка хотел уже возвращаться домой, но вдруг заметил в воде чебака, потом ещё одного, ещё... Чебаки и окуни как-то очень медленно, словно сонные, плавали в проруби. Иногда течение переворачивало их кверху брюшком, и они с трудом принимали нормальное положение. Захарка сбросил рукавицу и легко поймал небольшого окунька.

«Чудная рыба, сама в руки идёт. Может, больная? А может, Ипполит что-нибудь в воду насыпал? Сороки — и те рыбу ловят». Захарка стоял и недоуменно разглядывал окунька.

От проруби к густому камышу вела проторённая тропинка. Стебли камыша сломаны и пригнуты в одном месте.

«Какая-то палка. — Захарка потянул за палку и... вытащил подсак. — Брагинский!» Из тысячи подсакон он его узнал бы. Ну и ну! Хитёр же дядя Ипполит!

Захарка вернулся к проруби, опустил подсак в воду, провёл им из конца в конец. Два крупных чебака выбросило из-под льда течением. Развернул подсак — и в нём оказались обе рыбины.

Вода была какая-то вонючая. «Может, он рыбу просто усыпил? Взял снотворного и высыпал в воду?» — думал Захарка.

А сороки метались над речкой, кричали, ожидали, когда же человек уйдёт. Но человек не уходил. Он стоял у проруби и глядел в воду. Захарка видел, что умирают чебаки. В проруби уже собралось десятка два окуней и чебаков, рыбы становилось всё больше и больше.

Что же делать? Надо спасти рыбу. Бежать к Юрию Николаевичу, он что-нибудь придумает.

И снова Захарка бежит на лыжах. Он уже не слышит ни скрипа снега под лыжами, ни хлопанья клапанов шапки. Захарка спешит в

деревню, чтобы рассказать Шевчуку про умирающих чебаков и окуней.

Юрий Николаевич удивился, когда к нему в комнату ворвался Захарка.

— Что случилось? Собаки за тобой гнались?

— Юрий Николаевич, вот. — Захарка вытащил из кармана три рыбёшки. — Руками в проруби поймал. Рыбу в речке отравили. Надо спасти её, пока вся не вымерла!

— Руками? Всё ясно. — Шевчук начал одеваться. — Проруби надо долбить. Много прорубей.

— Тогда я побегу! — Захарка быстро направился к двери.

— Подожди, непоседливый, — остановил его Шевчук. — Не отравили рыбу, а кислорода ей не хватает, задыхается она. Знаешь, Захар, ты беги ребят зови, которые постарше, а я рыбаков организую. Хорошо, что сегодня воскресенье — все дома. Только пусть ребята лопаты, лопаты возьмут. Сможешь?

— Всех соберу! — Захарка нахлобучил шапку и выбежал на улицу.

Он бегал от дома к дому, стучал в окна.

Взрослые и школьники выходили на улицу. Захарка сбивчиво рассказывал им о рыбе, показывал чебаков. Люди искали в сараях ломы, лопаты и шли спасать рыбу.

Пробегая мимо дома Брагиных, Захарка забежал и к родственнику. Дядя Ипполит обедал. Увидев Захарку, встал из-за стола.

— Раздевайся, Парашютист, садись! Угощайся жареными чебаками. Катерина постаралась...

— Это те, которых вы на реке наловили? — Захарка вытащил из кармана окунька. — Вот смотрите, руками поймал. Надо идти проруби долбить, рыбу спасать. Я за вами пришёл.

— Раздевайся, окуни подождут. Где ты его поймал?

— Там, где вы ловите!

— Ты что, парень? Я уже забыл, как рыба-чат...

— Вы же знали, что рыба задыхается! Зачем обманываете? Я сам видел в камышах ваш подсак. На санках в мешках рыбу возите. Я всё видел. Две проруби видел.

Ипполит Брагин на минуту растерялся, а Захарка уже бежал к двери. «Эх, дядя, дядя!

Знал ведь, всё знал...» — думал он.

— Захар, подожди! — Ипполит выскочил за мальчиком на улицу. — Нельзя же так!

На крик дяди Захарка даже не обернулся. Он мчался на речку, где уже собирались жители деревни, чтобы долбить проруби-форточки для воздуха, спасти рыбу от гибели.

Прилёт жаворонков

В марте в Сибири ещё холодно, особенно ночами и утром. Но днём солнце уже припекает. С крыш домов и сараев свисают длинные ребристые сосульки. Снег чернеет, покрывается тонкой корочкой. Дедушка Прохор на день выводит в денник корову Пеструшку. Пусть, говорит, на солнце бока погреет.

Ожили и весело зачирикали воробьи на крышах. Повеселел и Захарка. Наконец-то от папы пришло письмо.

Однажды прибежал он домой со школы и не узнал бабушку Веру. В новой зелёной кофте, в пёстрой цветастой юбке она, как гостья, сидела у окна и, нацепив на нос очки, читала письмо.

— Я уж заждалась тебя, — сказала бабушка, близоруко щуря на внука глаза. — От Антоши письмо пришло, а я даже в очках прочитать не могу.

— Ура! — закричал Захарка. — От папы письмо!

Он взял у бабушки письмо и удивился. В углу листа карандашом была нарисована лох-

матая лошадь, а на ней в странной шапке — человек. «Привет из Монголии!» — писал папа. Захарка читал бабушке письмо, а сам видел и папу и себя, скачущими по широкой монгольской степи на мохнатых лошадках. Скачут и смеются, а белый седой ковыль путает ноги лошадям.

Папа передавал привет маме, дедушке Прохору Устиновичу и бабушке Вере Ивановне. Конечно же, и ему, Захарке. Спрашивал о здоровье, о деревенских новостях.

— А кем он работает? — спросила бабушка.

— Ничего не пишет. Наверное, диких коней объезжает. Смотри, какого коня нарисовал, — сказал Захарка, показывая бабушке письмо.

— Ладно, руки мой да за стол садись. Я вот сегодня жаворонков напекла. — Бабушка поставила перед Захаркой тарелку с румяными хрустящими пряниками, похожими на птиц.

— Ух ты, — обрадовался внук. — Хорошенькие жаворонки. А куда это ты собралась? Во всё новое нарядилась.

— Никуда не собралась. Праздник сегодня. Сорок птиц с юга к нам прилетают, — сказала

бабушка, наливая Захарке молока.

— Интересный праздник. Никогда о таком не слышал, и в календаре красным не отмечено. Всё вы с дедушкой придумываете. Дедушка плакунчиков придумал, а ты... каких-то сорок птиц.

— Дикае гуси, утки прилетают. И жаворонки, — стала бабушка объяснять Захарке. — А ещё сегодня Варвара ночь урвала, а день прибавила.

— Это тоже праздник?

— Конечно! С сегодняшнего дня ночь пойдёт на убыль, а день станет прибавляться.

— Я пока ни одной птицы, кроме воробьёв и сорок, не видел, — пожал плечами Захарка.

— Скоро прилетят, — убеждённо сказала бабушка. — Ты вот что, отнеси-ка бабушке Варе жаворонков, порадуй старуху. — Бабушка завязала в платок миску с жаворонками и подала внуку. — Поздравь её с праздником.

Захарка оделся и выскочил на улицу.

Когда Захарка прибежал к бабушке Варе, она тоже пекла жаворонков. Была она одна, Шевчук уехал в отпуск.

— А у нас радость, — с порога объявил За-

харка. — От папы письмо пришло. Он в Монголии диких коней объезжает.

— Надо же! Диках коней! — удивилась бабушка Варя.

— Диках и мохнатых, — подтвердил Захарка. — А ещё сегодня праздник птиц. И мы все тебя поздравляем. Я тебе принёс жаворонков, только неживых, а стряпанных. — Он поставил на стол миску с жаворонками.

— Вот спасибо тебе, внучек. Угодил старухе, так угодил! На-ка вот и моего жаворонка отпробуй. — Бабушка Варя подала Захарке горячий, румяный, посыпанный сахаром пряник.

— Хорошие у тебя пряники получились, — похвалил Захарка бабушкину стряпню. — Спасибо. Ну, я побежал. Мне ещё уроки учить. — Он хотел уже бежать, но бабушка Варя его остановила.

— Посиди, милок, не спеши. Расскажи, как учишься. Трудно учиться?

— Мне не трудно. Учительница говорит, что я способный.

— Ты миску-то забери. Я в неё своих жаворонков положу, — говорила бабушка Варя.

— Не надо. У нас ведь есть. Бабушка Вера напекла.

— То бабушка Вера, а это я. Всем вам от меня подарок.

Захарка выбежал на улицу, взобрался на высокий сугроб и долго стоял на нём, оглядывался, прислушивался. Хотел увидеть живых жаворонков или услышать свист их крыльев. Но, кроме громкого чириканья воробьёв на крыше да стрекотанья сорок на огороде, ничего не услышал. Солнце грело ласково, с крыши капала капель. «Всё-таки хороший сегодня день, — думал Захарка. — Надо его запомнить и написать о нём папе».

Захаркин огород

Захарка решал задачу по арифметике. Примеры были лёгкие, он их за десять минут осилил и переписал в тетрадь, а задача не получалась. «В куске было тридцать метров ткани, а когда продали двум покупателям, осталось девятнадцать. Известно, что один покупатель купил три метра ткани. Сколько же купил второй покупатель?» — прочитал и задумался. Потом ещё раз прочитал. В голове уже начинало созревать решение, как вдруг на кухне раздался грохот.

Захарка выбежал из комнаты и увидел бабушку Веру. Она притащила из сарая три деревянных ящика, несколько пустых консервных банок и свалила всё посреди кухни.

— Ты зачем это всё принесла? — удивился Захарка.

— Рассаду буду высевать. Ты разве забыл, что я каждую весну рассаду сею? — спросила бабушка.

— Не забыл, — ответил Захарка. — Ты и мне разрешишь? Я тоже хочу посеять.

Бабушка ничего не ответила, вышла в се-

ни. Там у неё ещё с осени стояли три ведра чёрной и «жирной», как она говорила, земли. Бабушка притащила их на кухню и поставила у печки.

— Так что бы ты хотел посадить в своём огороде? — спросила она Захарку.

— Хочу посадить огурцы, морковь и бобы. Ты мне один ящик дай, я и посажу в нём.

— Кто же сейчас огурцы и морковь сажает? — улыбнулась бабушка. — Огурцы на грядке сажают, а морковь сеют в землю, когда тепло станет.

— Так что же мы будем сеять?

— Помидоры. Но сначала надо семена прорастить, — сказала бабушка, вытаскивая из шкафа большой узел. В нём она хранила бумажные пакетики и тряпочные узелки с семенами. — Посеем помидоры, перец, до тепла они в ящиках подрастут. По теплу мы и пересадим их в огород.

— Я помидоры люблю, — сказал Захарка. — Отсыпь мне семян, и будет у меня свой ящик с рассадой.

— Подожди ещё. Надо дня два-три подождать. Земля с мороза холодная, замёрзла.

Вот согреется, тогда и посеём...

Захарка сунул палец в ведро с землёй — не земля, а камень.

— Холоднющая, — сказал он.

— Семян я тебе дам, банку тоже, — сказала бабушка. — Но ты помоги мне с семенами разобраться. Я ведь совсем плохо вижу. Что на бумаге написано? — бабушка развернула бумажный пакетик и протянула его внуку.

— «Бычье сердце», — прочитал Захарка и засмеялся. — Это что за «бычье сердце»?

— Так называют помидоры, сорт такой. Растут они большие, как бычье сердце. Давай сюда. А это какие? — протянула она ему другой пакетик.

— «Сливки».

— тоже посеём, хорошие помидоры, — сказала бабушка.

Захарка удивлялся названиям разных сортов помидоров, замучил бабушку вопросами.

— А зачем ты в марлю семена заворачиваешь?

— Чтобы мягче лежать семенам было. А теперь слегка зальём их тёплой водичкой и поставим в тёплое место.

— Зачем в тёплое?

— Чтобы быстрее проросли. Некоторые семена могут быть холостые.

— А что такое «холостые»?

— Это семена, которые не прорастут, — терпеливо объясняла бабушка.

— А почему они не прорастают?

— Ты бы лучше шёл уроки делать, — сказала бабушка: она не знала, как ответить внуку, чтобы он понял. — Некоторые семена не всходят, потому что они либо мёртвые, либо слабые.

— Разве семена живые?

— Живые. Иди, решай свою задачу, а сеять будем только через три дня.

На дворе стало совсем тепло. Снег почернел и осел. На лугу появились первые островки опаявшей земли. Захарка хотел забраться на крышу сарая, но вдруг услышал песню жаворонка. Небольшая, похожая на воробья птичка, махая короткими крылышками, висела над землёй и пела. Пела весело и задорно.

— Бабушка, жаворонок прилетел! — кричал Захарка, забегая в комнату.

— Ну вот, а ты не верил мне, когда я жаво-

ронков пекла, — улыбнулась бабушка.

А на четвёртый день, когда Захарка вернулся из школы, бабушка сказала:

— Семена проклюнулись, можно приступать к севу.

— А как это семена проклюнулись?

— Вот, смотри. Видишь маленький беленький росточек? — Бабушка протянула семечко помидора. С боку его торчал заметный хвостик.

— Давай я его посажу.

— Сади, — сказала бабушка. — Вот тебе банка с землёй. В неё и сади. Это и будет твой «огород». Только надо за ним ухаживать, поливать, — улыбнулась бабушка.

Захарка спичкой протыкал в земле ямки и опускал в них проросшие семена. Потом так же, как и бабушка Вера, засыпал ямки землёй и полил тёплой водой.

— Ну вот, смотри теперь поливай свой «огород», чтобы земля не засохла, — сказала бабушка.

Стал Захарка ждать, когда же в его банке прорастёт рассада. Поливал через день, по нескольку раз на день заглядывал в банку.

Земля чёрная, ни одного росточка нет. Посмотрит на бабушкины ящики — и там ничего нет. Пусто, чистая земля. А когда на пятый день пришёл из школы, вдруг заметил, что земля в его банке в нескольких местах приподнялась, а из-под неё еле заметные белые росточки выглядывают.

— Бабушка! — закричал Захарка. — Смотри, помидоры всходят!

— А ты как думал? Семена — та живые, вот в рост и пошли, — сказала бабушка. — К теплу поднимутся, подрастут, на огород их пересадим. Летом и зимой с помидорами будем.

Тонконожка

Шевчук привёз с собой из отпуска пса Смелого.

Смелый, ещё молодой и беспородный — обычная дворняжка, — не по возрасту был понятлив и имел свой характер. Упрямый оказался пёс. Уж если ему что-то надо, он всеми путями постарается добиться своего.

В марте в Сибири морозы стоят ещё крепкие, особенно по ночам. Днём солнце поднимается высоко, и верхний слой снега подтаивает, а ночами замерзает и покрывается плотной коркой — настом. По такому насту собаки, лисы и зайцы бегают свободно, а человек проваливается. Но человек есть человек, он и лыжи на ноги нацепит. А вот копытным животным беда: не могут они по насту ходить. А снегу к этому времени всюду много.

Основную дорогу к Трошину пробивают бульдозеры, а лесные — некому. В лесу можно проехать только на тракторе да на лыжах. На Груне — и думать нечего, даже верхом не проедешь: запросто можно угробить лошадь.

Но любители поживиться народным доб-

ром ещё встречаются. Заедет такой в лес на тракторных санях — половину деревьев изведёт.

Поэтому Шевчук и направился в лес на лыжах. Дня за два-три, думал, обойдёт все лесные уголья. За ним увязался и Смелый. Бежит в десяти шагах от Юрия Николаевича, под каждый бугорок, под каждый кустик нос лохматый суёт.

Обошли они Чёрный лес, Долгий. Тишина вокруг, и всюду нетронутый снег блестит на солнце, будто стеклом покрылся. А когда зашли в Анютин лес, Смелый забеспокоился, засуетился и вдруг помчался в чащу. «Чего это он учуял? — думает Шевчук. — Если зайца, то косою свободно от него уйдёт, да и лиса близко не подпустит».

Пошёл следом и тут услышал лай. Смелый лаял громко и азартно на одном месте. Юрий Николаевич ускорил шаг, выбежал на лесную полянку и глазам своим не поверил. Смелый стоял возле какого-то животного и оглушительно облаивал его.

Шевчук подбежал ближе и увидел косулю. Бедное животное почти с головой провали-

лось в снег и не могло двинуться с места.

— Тубо! — закричал Шевчук на Смелого. Пёс лаять перестал, но стоял в трёх шагах от косули и зло скалил зубы, готовый в любой момент броситься на беззащитное животное. Косуля уже выбилась из сил, голову вытянула вперёд и положила на снег. Из глаз ее катились слёзы. Она со страхом смотрела на человека.

— Эх ты, Смелый, Смелый! Что же ты надедал? Загнал зверя в ловушку и рад! — покачал головой Шевчук.

Пёс услышал голос Юрия Николаевича, радостно вильнул хвостом, но по-прежнему зорко следил за косулей. Шевчук подошёл к собаке и за ошейник оттащил её в сторону.

— Сидеть на месте! Тубо! — приказал он псу.

Подошёл к косуле ближе и остановился. Она забеспокоилась, забилась в снегу, но через минуту снова притихла. Очень устала, крепко держал её снег.

«Что же мне с тобой делать? — думал Шевчук. — Сама ты из снега не выберешься: ноги поломаешь или волкам достанешься».

Волки, хоть и мало, но водились в этом лесу. Шевчук уже дважды их встречал, находил много волчьих следов.

«Оставлять тебя здесь на верную гибель нельзя, — размышлял Юрий Николаевич. — Если взять домой, то у моей хозяйки бабушки Вари сена ни клочка: не держит она корову. А если с дедом Прохором поговорить? Сена у Зотовых много. Вот бы Захарке радость была!»

Юрий Николаевич вытащил нож, нарезал тонких и гибких прутьев тальника, быстро сплёл циновки.

Нужно было вытащить из снега косулю, но она спокойно лежать на циновках не будет, ноги надо ей связать. Верёвок нет, а прутьями не свяжешь.

«Эх, была не была, сто рублей не деньги», — подумал Шевчук и снял телогрейку и пиджак. Стащил рубашку, оторвал подол, нарезал ленточек. Скрутил их — верёвочки получились.

Смелый зорко следил за косулей. Сидел молча. Но когда Шевчук подошёл к зверю, подбежал и он, гавкнул раз, второй. Пришлось отогнать его криком «Тубо!»

С огромным трудом Шевчуку удалось вытащить косулю из снега и связать ей ноги. Юрий Николаевич облегчённо вздохнул, вытер пот со лба и присел отдохнуть на лыжи рядом с косулей.

— Э, дорогуша, да ты скоро должна стать мамой, — заметил Шевчук, рассматривая косулю. — Как же тебя одну в таком глубоком снегу оставлять? Ножки тонюсенькие, как спички, никакой наст не удержит.

Отдохнув, Юрий Николаевич затащил косулю на циновки и положил их на лыжи. Таловый прут прикрепил к лыжам, к ошейнику пса привязал поясной ремень и пристегнул его к пруту.

— Ну, Смелый, помогай! — сказал Шевчук и поволок косулю из леса.

Снег под ним проваливался, он с трудом выбирался из него, но упорно продвигался вперёд. Когда выбрались из леса, стало легче. В поле наст оказался плотнее и держал человека. Смелый, глядя на хозяина, тоже старался, упирался всеми лапами в наст и заметно помогал Шевчуку.

— Молодец, Смелый, умница, — подбадри-

вал он пса.

К вечеру они благополучно добрались до села. Первым делом Юрий Николаевич втащил косулю к себе в дом, распутал ей ноги,

принёс воды и хлеба. Косуля лежала на полу и пугливо смотрела на человека.

— Ничего, ничего, всё будет хорошо, — говорил Юрий Николаевич, но косуля ни к воде, ни к хлебу не прикасалась.

Чтобы не тревожить её, Шевчук отправился к Зотовым.

— Привёз живую косулю? Вот здорово! — закричал Захарка, когда Юрий Николаевич рассказал о своём приключении. — Дедуля, разреши, пусть она у нас поживёт.

Дедушка Прохор молчал, теребя бороду, и думал.

— Загубить хотите? — вдруг спросил он Шевчука. — Это же дикий зверь, свободный, ему воля нужна, а вы его в хлев, к овцам хотите.

— Я уже думал об этом, — сказал Юрий Николаевич. — Но в лесу много снега, наст, есть нечего. Всё равно погибнет. Из двух зол надо меньшее выбирать. Недели через две снег на полянах растает, тогда выпустим.

— Дедулечка, пожалуйста, — снова пристал к деду Захарка.

— Ты чего это, старый, заупрямился? —

вмешалась бабушка Вера. — Кто же поможет зверю дикому в трудную минуту, как не человек?

— Прокормим, — сказала Людмила Петровна. — Много ли ей надо?

— Что вы меня уговариваете, как красную девицу? Разве я сам не понимаю? Ладно, веди свою косулю, — сказал наконец дед. — Попробуем. Может, что и получится, а сена не жалко.

Захарка обрадовался, обхватил деда руками.

— Всё получится. Я сам за ней ухаживать буду, чистить, поить, — тараторил он.

Втроём они перетащили косулю в хлев к овцам. Захарка принёс ей мелкого зелёного сена и воды. Но косуля ни есть, ни пить не стала.

Назвали её Тонконожкой. Два дня она ничего не ела, воду начала пить только на второй день. Но голод — не тётка: на третий день осторожно стала она вытаскивать нежными губами зелёные былинки из охапки сена. А скоро и совсем привыкла к людям: выбегала из дальнего угла навстречу Людмиле Петров-

не. Людмила Петровна специально для косули делала мучную болтушку.

— Пей, красавица, пей, милая, — приговаривала она и поглаживала Тонконожку по загривку.

Захарка ходил именинником, привёл весь свой второй класс в хлев на экскурсию.

— А давайте мы над ней шефство возьмём, — предложил Коля Заякин, — будем по очереди кормить и убирать.

— Сам управлюсь, — заявил Захарка. — Всё равно мы её скоро будем выпускать на волю.

Теперь в Зотовском хлеву часто толпились Захаркины друзья. Но чаще других бывал здесь Дюша. Он приносил корки хлеба, круто посыпанные солью. Тонконожка с удовольствием брала у него из рук корочку за корочкой, чем очень радовала Дюшу.

А скоро произошло ещё одно немаловажное событие. Как-то зайдя в хлев, Захарка увидел возле Тонконожки маленького козлёнка. Он бегал около матери, а мать ходила за ним и лизала ему спинку.

— Родился маленький косулёнок! — прибежал Захарка к Юрию Николаевичу. — Кро-

печный — крошечный, а красивый — красивый!

Шевчук оделся, и они с Захаркой пришли в хлев. Там они увидели деда Прохора.

— Да, — удивлялся старик, — правильно вы поступили, молодой человек. Спасли, считай, двух зверей. Через неделю можно будет выпускать на волю.

— Пусть живут до лета, — стал просить дед Захарка.

— Через неделю надо выпускать, — строго сказал дедушка Прохор. — Они привыкнут к нам, а мы к ним. Трудно будет расставаться. И для косули плохо, бояться людей не будет.

— Надо выпускать, — решил Юрий Николаевич.

Выпустили они Тонконожку с косулёнком в апреле. С Юрием Николаевичем они привели косулю в лес и отвязали верёвку.

— Иди, Тонконожка, ты свободна, — сказал Шевчук.

Но Тонконожка не уходила. Она стояла и смотрела на людей, будто благодарила их за помощь.

— Не уходит, — удивился Захарка.

— Пошли домой, — сказал Шевчук и направился в село. Следом за ним медленно шагал Захарка.

Шли молча. Через несколько минут оглянулись: Тонконожки с косулёнком не было.

— Убежала, — Шевчук взял Захарку за плечо. — Но взгляд её мы, Захар, должны крепко запомнить.

— Запомним, — кивнул головой Захарка.

Радость

Телеграмма пришла неожиданно. Ну прямо, как снег на голову. Вечером, когда Захарка с дедушкой пришли домой, мама им прочитала:

«Встречайте, буду дома восемнадцатого июня. Папа».

— Ура! Папа едет! — закричал и запрыгал Захарка.

— Завтра зайвится, — сказала мама и радостно улыбнулась.

Ночью Захарка спал плохо, часто просыпался. И хотя автобус из города приходил в полдень, он боялся проспать. «А вдруг папа приедет на какой-нибудь попутной машине», — думал он.

Утром поднялся рано, в доме было ещё темно. Но бабушка Вера с мамой уже не спали. Они на кухне стряпали пироги, пекли блины и варили разную еду. Много еды, будто папа целый год не ел.

Когда на улице загудела машина, Захарка кинулся было бежать, но мать остановила его:

— Это дядя Петя за мной приехал, — сказала она.

Захарка слышал, как мама говорила дяде Пете, что сегодня она не пойдёт на дойку, потому что приезжает Антон, а её коров подоят Наденька и тётя Даша. С ними мама уже договорилась.

— Я дедушке помогу из села выгнать стадо, — сказал Захарка и стал собираться.

— Помоги, милый, помоги, — сказала бабушка. — Что ни говори, а у дедушки ноги не молодые. Тяжело ему бегать.

Захарка с дедушкой вышли на улицу и встретили старого лесника и Юрия Николаевича. Они на Груне ехали в лес.

— А у меня сегодня папа приезжает! — закричал им Захарка. — В гости приходите!

— Спасибо, Захар. Придём, обязательно придём, — сказал Василий Алексеевич.

Как медленно идёт время, когда ждёшь! Хоть солнце поднялось высоко, но прихода автобуса ещё долго ждать. Захарка помог дедушке выгнать стадо за село и вернулся домой. Сел на лавочку и, жмурясь на солнце, стал наблюдать за скворцами. Те, как и про-

шлым летом, уже носили своим птенцам червяков и гусениц. «Год прошёл. Быстро пролетел», — думал Захарка. И он, Захарка, вырос за этот год. Хоть и незаметно, но вырос. Это все говорят: и мама, и дедушка Прохор.

Мальчик стал следить за ласточками, которые ежеминутно залетали и вылетали в открытую дверь сарая. Захарка уже знал, что ласточки в сарае строят гнездо. На проводах тоже сидели ласточки и щебетали свои песенки.

К Захарке подошёл Вавила. Длинная мягкая шерсть на нём висела клочьями — кот ещё не совсем вылинял. Вавила выгнул спину, боком стал тереться о ногу Захарки.

— Брысь, Вавила, — сказал Захарка и ногой отпихнул кота. Он вспомнил, как в прошлом году делали с Дюшей пояски на берёзы, чтобы кот не вытаскал скворчат. Пояски и теперь висят на берёзах. Теперь надо следить, чтобы к ласточкам не добрался.

— Захарка! — слышалось из дому. К окну подошла бабушка Вера, постучала пальцами в стекло и, не увидев внука, снова позвала: — Захарка, ты где?

— Здесь я.

— Сбегай на речку, гусей посмотри, — велела она.

Захарка побежал к реке и дорогой догнал Дюшу. Сосед, подпрыгивая на одной ноге, тоже шёл к реке.

— Здорово живёшь! — крикнул ему Захарка.

— Привет! — выдохнул Дюша.

— А у меня сегодня папа приезжает, — сказал гордо Захарка.

— Хорошо тебе, — Дюша вздохнул. — А мои папа и мама никуда не уезжают и встречать их не надо.

На берегу, на зелёной траве, паслись гуси. Несколько семейств. Три-четыре старых, а рядом с ними много-много жёлтеньких и пушистых гусят. Захарка с Дюшей посмотрели на своих и решили искупаться.

Купались долго, пока не покрылись «гусиной» кожей. Выбрались на берег и увидели автобус. Он, поднимая столб пыли, мчался по высокому шоссе.

— Бежим! — закричал Захарка и помчался к остановке. Успел вовремя. Автобус уже оста-

новился, из него выходили люди.

— Захарка! Получай свой велосипед! — услышал он родной голос и тут же увидел папу. Папа вытаскивал из автобуса новый блестящий велосипед и большой чемодан.

— Папочка! — Захарка кинулся отцу на шею.

— Ух, какой вымахал! Прямо взрослый мужик. — Папа обхватил его, и Захарка почувствовал, как из-под ног его уходит земля.

— Раздушишь! — Мама стояла рядом, счастливо улыбаясь. Она была в новом платье, красивая и нарядная.

— Ждали меня? — спросил папа и поцеловал маму и бабушку.

— Не очень, — сказала мама. — У нас свои дела, а у тебя свои.

— Ждали, ждали! — поправил маму Захарка.

— А ты бы уж помолчал, — сказала мама. — Чуть не ушёл в сыновья к лесникам. Целыми днями в лесу пропадал.

— Что я слышу, сын?

— Он у нас молодец! — поддержала Захарку бабушка. — И деду помогает пасти коров, и

мне. А что с лесниками в лес ездит, то это ему же на пользу.

— Папа, а ты говорил, что приедешь тогда, когда две зимы и два лета пройдут. А прошли только одно лето и одна зима, — говорил Захарка.

— Соскучился по вас, — сказал папа. — Трудовому человеку отпуск положен или нет?

— Положен, — сказал Захарка.

— Вот видишь. Ну, садись на велосипед и поехали, — сказал папа, направляясь домой.

«Хоть папа только в отпуск приехал, а всё равно радость», — подумал Захарка, садясь в седло.

